

Ведьма и князь

Автор:

[Симона Вилар](#)

Ведьма и князь

Симона Вилар

Ведьма #2

Древняя Русь, X век. Чародейка Малфрида предсказывает князю Игорю удачу и славу в походе, но его ближайшие поверенные почему-то требуют изгнать колдунью. Неужели власть интриги и коварства сильнее княжеской власти и любви мужчины к женщине? И как Игорю расстаться с той, что полонила его ум и сердце?

Симона Вилар

Ведьма и князь

© Гавриленко Н. Г., 2006, 2011

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2011, 2015

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2015

* * *

Пролог

Ночь в начале зимы выдалась мгlistая, сырая, холод пробирал до костей. В мутном небе луны не разглядеть, свет от горевших у ворот факелов высвечивал то сруб околвратной башни, то лошадиный помет на истоптанном снегу двора, красноватыми бликами падал на столпившихся у ворот стражей в клепаных островерхих шлемах.

В такие ночи нести сторожевой дозор – не самое милое дело. Однако на этот раз охранники не дремали, опершись на копья, не поругивались в бороды, ворча на холод да нерадостную службу. Наоборот, оживленно обсуждали:

– Что же такое это в хоромине делается? Отчего там шумят?

В самом деле, со стороны видневшихся среди тьмы построек доносились голоса, громкие, обиженные, а потом кричать кто-то начал, словно били. Мелькнул свет, стукнуло тяжелой дверью. По ступеням крыльца на двор скатился человек, застонав приглушенно.

Дворовые цепные псы так и зашлись лаем, рвались на привязи. Стражи замерли, наблюдая.

Из терема долетел гневный крик:

– Вон убирайтесь! Все вон! Чтобы духу вашего поганого тут больше не было!

Это был голос самого князя Глеба. Стражники переглянулись. Отчего это их спокойный, даже смиренный Глеб так разошелся в ночную пору?

От построек опять слышались крики:

– Бога побойся, княже! За что обиду нам творишь? Креста на тебе нет.

– Да пошли вы с вашим... С вашим крестом!..

Князь самолично появился на крылечке: высокий, худой, свободная рубаха съехала наискось.

– Убирайтесь! И благодарите своего распятого, что еще псами не велю вас травить!

Даже не кликнув челядь, князь сам вцепился в державшегося за створку двери человека в длинной черной одежде, отодрал от дверного косяка и вытолкнул взащей туда, где еще постанывал на снегу первый.

Стражники у ворот удивились:

– Неужто это Глеб христиан своих изгоняет?

В такое и поверить трудно, если вспомнить, как прежде тут христиан привечали, какой почет им князь оказывал, как молился перед привезенной иноземцами иконой, поклоны бил. Ныне же гонит. Сам гонит...

На галерее хоромины замелькал свет факелов, появились челядинцы князя, тоже тащили упирающихся людей в длинных черных одеяниях. Кое у кого слабо светлели большие кресты на груди. Всклооченные, в сползших на лица островерхих куколях, изгоняемые, оставив обычную сдержанность, вопили, сопротивляясь. Князь собственноручно толкнул еще одного с крыльца, выпихивал следующего. Челядь хохотала, кому-то из христиан дали в зубы – тот только покатился по ступеням под гогот собравшихся.

Христианских миссионеров было семеро, все больше иноземцы, пришедшие на Русь проповедовать о сыне плотника, оказавшемся истинным Богом. К их рассказам прислушивались с интересом, хотя не слишком привечали. Зато князь Глеб поддался речам проповедников, даже крестился, обещал и церковь христианскую в Новгороде поставить. Но чтобы так вдруг...

– Это чародейка его подучила, – догадался один из охранников, указав рукой в варежке на появившуюся на крыльце высокую девку. Та довольно улыбалась, теребя переброшенные на грудь длинные светлые косы.

– Ее происки, не иначе. Однако нам-то что? Князь гонит – нам отворяй ворота.

Стукнули засовы, скрипнув в пазах.

А князь Глеб все лютовал:

– Чтоб ноги вашей у меня не было! Я и из Новгорода велю вас гнать. Чтоб не поганили больше словенский край, морок да беду на люд не насылали.

Один из христиан, высокий иноземец с длинной черной бородой, шагнул было к князю, заговорил с заметным акцентом:

– Мы разумеем, что не своей волей действуешь, раб Божий Глеб. Обморочили тебя да одурманили. Ничего. Наше святое дело не пропадет. Рано или поздно чары спадут. Мы же молиться за тебя будем.

Под злобные выкрики, гложущие среди собачьего лая, христиане отходили к воротам. Сам князь их гнал, мечась от одного к другому, выталкивая в шею. А тут еще светлокосая девица с крыльца громко захохотала. И такое злорадное торжество было в ее голосе, так пронзителен был ее смех, что некоторые челядинцы стали делать охранительные знаки, хвататься за обереги.

– Ведьма! – произнес кто-то в голос, да так, что и другие услышали.

А бородатый христианин даже шагнул к ней, уворачиваясь от князя.

– Да падет на тебя проклятие, чародейка! Да оставят тебя все, кто тебе дорог, да познаешь ты беды и гонения...

Больше сказать ничего не успел, ибо князь неожиданно ударил его кулаком наотмашь. И с такой силой!.. Откуда и взялась-то она у тщедушного Глеба?

Князь стоял над поверженным миссионером, потрясая кулаками.

– Молите своего Бога, что я еще добр. А не то... Не уберетесь через миг – всех велю порешить! Клянусь в том Перуном[1 - Перун – языческий бог древнего славянского пантеона, громовержец и податель воинской удачи.] могучим!..

Сказано это было так твердо, что христиане уже не меш кали. Причитая и всхлипывая, выходили в темную ночь из полураскрытых ворот.

Князь еще стоял посреди двора, тяжело дыша. Потом медленно повернулся, посмотрел на светлокосую чародейку. Люди отошли от нее, она стояла одна, освещенная светом факелов, – статная, с ниспадавшей на темные очи длинной челкой. Князь же глядел на нее не отрываясь.

– Любо ли тебе все это, душа моя? Все по твоей воле, все как скажешь.

Голос у князя, еще прерывистый после недавнего волнения, звучал умоляюще. И люди отводили взоры, отступали, словно стыдясь видеть, как их господин заискивает перед этой... Да и кто она? Откуда взялась-то?

– Полюбишь ли меня теперь? – молил Глеб.

Но та и бровью не повела, устремив взгляд туда, где за последним из христиан охранники захлопывали створку ворот, вбрасывая в пазы тяжелый брус. В свете мечущихся огней было видно ее лицо, блеснули в улыбке зубы. В глазах же... Люди потом поговаривали, что желтым отсветом сверкнуло в темной глубине ее глаз.

– Любить тебя, Глебушка? Поглядим, поглядим. Ибо еще не все дела мои окончены.

И пошла в глубь хоромины среди опасливо расступавшейся челяди. На понуро шедшего за ней князя Глеба больше и не глянула.

Глава 1

944 год

Новгородское вече – это нечто особенное. Студневый[2 - Студень – январь.] морозный воздух, толпа на площади, возбужденные споры, выкрики, толчея. Городские бирючи[3 - Бирюч – чиновник, в обязанности которого входило

объявлять народу приказы властей; глашатай.] то и дело принимаются стучать в било, призывая народ к порядку, однако общее оживление, возможность показать себя да высказать свои чаяния заводили толпу, и люди шумели, чего-то требовали, отталкивая один другого, чтобы ближе протиснуться к вечевой степени[4 - Вечева степень – возвышение на площади, откуда произносили речи.], где стоял прибывший в Новгород великий князь Руси Игорь Рюрикович.

Князя окружали бояре и старшины городских концов.

– Видишь, княже, каково дело тут, – говорили они. – Давно бы тебе следовало явиться в свою северную столицу да разобраться, что к чему. А то народ совсем ошалел от самоуправства.

Стоявший немного позади Игоря воевода Асмунд поглядывал на князя с опаской. Не нравилось ему спокойствие князя. Асмунд еще со времен Олега Вещего знал Игоря, знал его натуру: не в гневе он страшен, а когда вот так спокоен среди всеобщей сутолоки. За этой сдержанностью скрывается тихий гнев. А гневаться Игорю на новгородцев сейчас, когда он готовит новый поход и ему необходимо спокойствие внутри державы, никак нельзя. Поймет ли это князь? Без мудрых советов жены, княгини Ольги, он мог порой и норов показать. А это сейчас ох как некстати.

Новгородцы же словно чуяли все. Вообще здесь, на севере Руси, люд был бойкий, шумливый. Не боялись и князю свое недовольство высказывать, указывая на то, с чем не согласны. Кричали так, что только пар летел из открытых глоток в морозном воздухе:

– Пошто нам в пояс кланяться варягам пришлым да мыта[5 - Мыто – налог, взимаемый за право проезда и торговли.] с них не брать?! Неужто ты, князь, удумал варягов над словенами[6 - Словене – северное древнеславянское племя с центром в Новгороде.] поставить? Позабыл, что именно мы, словене, отца твоего некогда к себе покликали править на наших условиях? И если не по нам что будет – можем и за моря прогнать. Бывало уже такое, старики сказывали.

– А пошто мерянские и чудские племена[7 - Меря, чудь – угро-финские племена, проживавшие на севере и востоке от Новгорода.] от дани освободил? Такого и Олег себе не позволял. И что же это получается, братцы? Теперь любой чудин белоглазый себя едва ли не выше новгородца почитает, раз воля ему дана!

– Верно! Князь все богатство Руси в Киеве копил, только запамятовал, поди, что именно здесь, в Новгороде князья-то поднялись. И Рюрик Белый Сокол, и Олег Вещий. Да и сам ты, князь, не тут ли родился, не тут ли тебя растили, берегли, чтобы ты потом родину-то позабыл, думая лишь о Киеве?

Игорь возвышался над толпой, озирая ее соколиным взором. И только то, как он сжимал пояс из наборных блях, опоясывавший полушубок, выдавало его напряжение. Внешне же Игорь оставался спокоен. Синие глаза его быстро перебегали с одного лица на другое, ноздри тонкого носа трепетали. Из-под пышной черно-бурой лисьей шапки на плечи князя падали слегка волнистые длинные волосы под цвет чернобурки – темные, с обильной проседью, короткая холеная борода была тронута сединой. Был князь Игорь высок и статен, широк в плечах – перед таким впору стан гнуть да скидывать шапку, а он стоит перед толпой разгоряченных новгородцев, как юнец, которого отчитывают.

За Игорем, едва ли не посмеиваясь довольно, стоял его родич Псковский князь Володислав, женатый на сестре Игоря Предславе. Предслава родилась уже от второго брака его матери Эфанды, вдовы Рюрика. Сам же Володислав происходил из местных, кровь в нем была словенская, а Псковское княжество получил вместе с рукой Предславы. И был Володислав честолобив сверх всякой меры, мечтал даже, чтобы недовольные Игорем новгородцы вообще прогнали варяга, и тогда придет время Володислава встать над Северной Русью, вокняжиться с родом своим на веки вечные.

– Что ж ты молчишь, Игорь-князь? – чуть тронул князя за плечо Володислав, поглядывая на рослого Игоря снизу вверх. Ростом Предславин муж не вышел, зато спеси – хоть отбавляй. В голосе дерзкие интонации проскальзывают: – Отвечай людям, когда всем миром за обиды спрашивают!

Игорь только плечом повел, сбрасывая руку родича. Шагнув вперед, поднял десницу[8 - Десница – рука (обычно правая)]. И вече, шумевшее до сего момента, вмиг стихло, как отхлынувший от берега прибой.

– Глоток у вас много, новгородцы, – начал князь, – спрашивать можете и до сумерек. Мне же каждому отвечать недосуг, да и не княжье это дело. Вот вы скликали вече, меня к ответу призываете, а только о том не подумали, что уже немало лет живете в мире и покое, забыв, как прежде те же варяги били вас, как сами родами на роды шли, не ощущая над собой сильной власти. А ныне, получив мир и порядок, норовите над властью подняться да с князей

своих спрашивать. Могу ли я вас за то к ответу призвать да покарать, как некогда князь Олег карал за своеволие? Отвечу – мне это раз плюнуть. Однако, несмотря на все укоры, не забыл я, что родина моя тут. Потому и отвечу. Вы недовольны, что на этот год я варягов беспошлинно впустил? В том больше мне да казне государственной убыток, а то, что вы в торге своего не упустите, – и у ведунов гадать не надо. А мир с варягами да и приток их нынешний на Русь нужны мне теперь особенно. Сами знаете, что рать собираю, варягов кличу под себя, дабы за былые поражения и обиды с ромеями[9 - Ромеи – римляне, так называли себя византийские греки.] поквитаться. Потому и северные племена не тронул. Мор и недород у них был прошлым летом, а им подняться надобно. Да к тому же хочу ими дружину свою пополнить, ибо земли на полудне[10 - Полдень – юг.] после походов обезлюдели, воев не стало, а рать все одно собирать надо. Причем большинство витязей для дружины я не в Новгороде, а под Смоленском собираю. И уж если смоленцы терпят их постой и не жалуются, то отчего же вы, люди моего родного города, бучу учиняете да поклеп на меня возводите, причитая, как старухи у колодца над разбитым кувшином?

Вече притихло, слушая, как князь перед ними отчитывается да в свои государевы дела посвящает. Со своего места Игорь видел внимательные глаза, море торсов и высоких меховых шапок, видел пар, поднимающийся над присмирившей толпой от дыхания множества людей. Нет, он все же любил свой народ, по недомыслию дерзкий и строптивый, однако уважительный и понимающий, когда с ними говоришь по-хорошему.

Асмунд за его спиной даже одобрительно крякнул. Ишь, укротил свой норов Игорь Рюрикович, а то Асмунд уже побаиваться начал, как бы в ярости не повелел разогнать толпу нагайками. Но тут все дело испортил Володислав Псковский.

– Пусть-ка лучше князь поведает нам, отчего он все о походе на Царьград думу имеет, когда городам нашим не победы и войны, а мир да торг с ромеями нужны.

В толпе тотчас загудели. Игорь быстро оглянулся на Володислава.

– Что-то не припомню, чтобы много стругов от Пскова на полдень в прошлые годы хаживало. Вы все больше в Варяжское море[11 - Варяжское море – Балтийское море.] устремляетесь. С варягами же у нас ныне мир, как никогда

ранее. Это ли вам не любо?

Но по толпе уже пошел ропот:

– Наш удел князя не волнует. Все на полдень рвется. А в Новгород, бывает, и не явится в какой год. Что князю нужды наши, если ему Киев люб?

Игорь даже ногой в посеребренном сапожке топнул.

– Во имя всех богов!.. Али совсем у вас разум помутился, новгородцы! Как же я про вас не пекусь, как не почитаю вас, если сына своего старшего вам в князья дал?

Кажется, против такого и сказать ничего нельзя, да только потупились люди на вечевой площади, переглядываться стали. Наконец вперед вышел старшина одного из городских концов.

– Говоришь, княже, ты вроде все верно. И мы учли твою волю, когда ты над нами сына своего Глеба князем поставил. Да вот не ведет себя с нами как князь Глеб Игоревич. Уж мы и послов к нему засылали, и на пиры-братчины кликали, и ни разу вече не созывали, не поставив его о том в известность. Но только нет ему дела до Новгорода. Живет князь Глеб у себя в Городище[12 - Городище – так называемое Рюриково Городище – в трех верстах к югу от Новгорода большая усадьба, где жили князья, правители Новгорода.], а к нам и носа не кажет. То с христианами дела водит, постится да молится, а то чародейкой некой увлекся, слушает во всем эту Малфриду, забыв ради нее как христиан ранее почитаемых, так и нас, народ свой. Вот и приходится нам чаще к Володиславу Псковскому обращаться, если нужда придет. И порешили мы тут...

Говоривший замялся, оглянулся на толпу. И приободрясь от устремленных на него взглядов и согласных кивков, продолжил:

– Станем челом тебе бить, княже, да просить, чтобы Глеба оставил в покое с его чародейкой. Нам же иного князя дай. Володислава того же. Родич он как-никак твой, оттого и обиды тебе в том не будет. Так ли говорю, новгородцы?

В толпе одобрительно загудели, раздались возгласы:

– Володислава на княжение! Володислава и княгиню Предславу. Любы они нам!

Асмунд покосился на Володислава, заметил, как тот бороду оглаживает, словно хочет скрыть довольную улыбку. Не иначе как сам и научил народ, о чем с князем на вече говорить. А потом и другая мысль пришла воеводе: о какой такой чародейке люди бают? Неужто о той, которая... И задохнулся, поняв, что это для Игоря может значить.

Игорь же стоял, будто онемев. Вече шумело, а он застыл, глядя прямо перед собой. Потом медленно стал поворачиваться к Володиславу. Тот подбоченился, выдержал смятенный взгляд князя Рюриковича.

– Что скажешь народу, княже? Люди ответа ждут.

– А?... Что?... – словно приходя в себя, отозвался Игорь. И спросил совсем о другом: – Кто эта Малфрида, о которой упоминали?

Володислав только задвигал темными бровями, соображая, что князю надо. Малфрида? Ну да, есть такая, ответил. Али Игорь в Городище по пути в Новгород не заезжал? Там бы ему многое поведали: и отчего это князь Глеб христианство свое оставил, и отчего пиры-братчины новгородские пропускает, на Думу его и калачом не заманишь. И если прежде его христиане к смирению призывали, то потом явилась эта чародейка Малфрида, заворожила, завлекла...

Володислав не договорил, попятился, когда князь вдруг схватил его за меховой ворот, притянув к себе.

– Так Малфрида в Городище?

Народ снизу наблюдал, как до этого державшийся спокойно князь вмиг изменился в лице и, не простясь с людом, не ответив на последнее столь важное прошение, вдруг кинулся прочь, велел подвести коня.

Уже позже Володислав спрашивал у Асмунда:

– Что это князь как белены объелся, едва про Малфриду узнал?

Асмунд задумчиво покручивал длинный светлый ус.

– Два года тому была у князя некая лада[13 - Лада – так на Руси называли возлюбленных, по имени богини любви и нежных чувств Лады.], Малфридой прозывалась. Кто такая, откуда? Никто не ведает. Да только была она нашему князю, что солнышко по весне. Все нарадоваться на нее не мог, наглядеться не успевал. Крутила она им так, как даже княгине Ольге не удавалось. Вреда в том особого не было, если не брать в расчет, что негоже князю да мужу в летах настолько девкой увлекаться. Ну а после сгинула эта Малфрида, как и не было ее. А князь затужил. Пил много, тосковал. Потом прошло. Да видать, не совсем: как только услышал имя Малфриды, так и кинулся ее искать. А эта Глебова Малфрида, она кто?

Володислав больше не слушал. О другом думал. Он-то уже размечтался княжью шапку примерить, с народом толковал, уговорились почти. А тут Игорь умчался, так ничего и не ответив. Может, вече и без князя выберет себе угодного? Да только люди, озадаченные странным поведением правителя, уже начали потихоньку расходиться. В пылу они свое князю высказали, пар выпустили, теперь же все больше о повседневных делах заботились – о кузнях оставленных, торговых лотках. Студень – не тот месяц, чтобы годящиеся для трудов дни понапрасну терять. Пошумели, покричали, душеньку потешили – теперь самое время и о делах вспомнить. Володислав хмуро глядел на них, понимая, что подходящий момент упущен. Что ж, он еще своего добьется. Отступать не намерен.

А Игорь тем временем уже подъезжал крупной рысью к частоколам Рюрикова Городища. С дозорной вышки князя заметили еще издали, поспешили отворить ворота. Игорь быстро въехал во двор, бросил поводья подскочившему холопу, огляделся. Здесь немало изменилось со времен его детства и отрочества, только возвышавшаяся в центре двора обширная хоромина осталась почти такой, как ее еще при Рюрике возвели: из мощных бревен, посеревших от времени, под двускатной дерновой крышей с резными головами драконов под стрехами. Но вокруг уже виднелись разные постройки позднейших времен: галерейки с резными столбцами, крылечки с шатровыми навершиями. На одном из таких крылечек князь заметил свою невестку, варяжку Сфандру.

– Где Глеб? – сразу спросил он, поднимаясь по ступеням и на ходу стягивая расшитые перчатки.

– С утра отбыл на капище в Перынь[14 - Перынь – большое, посвященное Перуну капище, немного южнее Новгорода.].

– А эта... чародейка Малфрида, с ним?

По красивому холеному лицу княгини Новгородской промелькнула досада.

– Как же! Одни боги знают, куда она отбыла пару седмиц[15 - Седмица – неделя, семь дней.] назад. Глеб же покоя себе не находит. Вот и отправился к ведунам расспросить, отчего лада его негаданная сгинула невесть куда перед самыми днями Корочуна[16 - Корочун – праздник самого короткого дня в году, зимний солнцеворот. Начало нового года.]. Глеб с той поры все мается.

И Сфандра, откинув на спину длинную белую вуаль головного покрывала, начала подниматься в хоромину, однако тесть удержал ее.

– погоди, Сфандра. Расскажи мне об этой чародейке. Кто она да откуда? Какова из себя?

Невестка глянула на князя исподлобья. Понятно, ей не больно мила была новая зазноба мужа. Ответила угрюмо:

– А леший ее знает! Кто говорит, что она из варяжьего племени. Это судя по имени. Ну а некоторые бают, что из финнов. Волосы у нее светлые, челка над бровями, как у финских баб. Глаза же черные, аки ночь темная. Но что сила в ней особая есть – все заприметили. Она даже Глеба моего сумела от христиан отвадить, что до нее никому не удавалось. Если прежде он только ими и жил, все постился да поклоны бил перед иконами, то по воле бойкой Малфриды всех выгнал, даже амулет с крестом подальше забросил.

– Так она полюбовница его? – невольно повысив голос, спросил Игорь. Рванул ворот у горла, так что отлетела золоченая застежка.

Стоявшие неподалеку дворовые оглянулись на громкие слова князя, даже тиуны[17 - Тиун – управляющий хозяйством.] приостановились, посмотрели с интересом. Игорю же было все едино. Дышал тяжело, с дрожью.

Но Сфандра – умная баба – не захотела перед челядью семейные дела обсуждать, сделала жест, приглашая с собой в дом. Там, в пустующей по нынешней поре гриднице[18 - Гридница – помещение для дружины и пиров в доме знатного человека.], села у заиндевелого окошечка, расправила меховую оторочку на полудлинном утепленном свитке[19 - Свитка – верхняя теплая одежда с рукавами.].

– Вот теперь, батюшка, и поговорим ладком. Спрашивайте.

Игорь чуть поморщился. Не нравилось ему, когда невестка называла его «батюшкой». По обычаю, конечно, так и полагалось обращаться к отцу мужа, но не для того Игорь столько лет воду чародейскую, живую и мертвую, пил, чтобы ему на годы его указывали. Чего таиться, седьмой десяток уже ему подходил, да только тот, кто чародейскую воду пьет, не стареет. Вот и было князю Игорю на вид не более тридцати с лишним, лишь седина ранняя, еще в отрочестве появившаяся, зрелости придавала. Поэтому и называли его в народе Игорем Седым, а еще чаще Игорем Старым. Но все равно выглядел Игорь ненамного старше миловидной невестки. Ей-то самой сколько? Около тридцати. Но и она, как все в семье князя, воду живую пьет. Потому и бесплодна, ибо чародейская вода, придавая сил и молодости, несет с собой бесплодие. Хотя, может, и не все так... Сфандра и лицом мила, и румяна, синеглаза, да только Глеб не больно-то жену жалует. По молодости лет мало в нем было мужской силы, потом христиане внушили, что лучше блюсти чистоту и жить с супругой как с сестрой, посвящая себя только Богу. Теперь же... Игоря особенно интересовало, что теперь.

– Глеб, как я слышал, христиан со двора прогнал. Так? Значит, вспомнил покон[20 - Покон – обычай; отсюда выражение: испокон веков.] предков и должен мужем тебе стать, как полагается. Спите ли вместе?

Сфандра чуть повела плечиком, обтянутым свитком с золотыми узорами. Щеки ее вспыхнули румянцем, но потом даже побелели.

– Я верная жена Глебу, батюшка. И если он пожелает, я свой супружеский долг исполню. Да только он, кроме Малфриды этой, никого знать не хочет.

– И он... Глеб-то... С Малфридой, что ли, любился?

У князя даже рык в голосе пробился, задышал тяжело, брови гневно сошлись к переносице. Ждал ответа, как приговора.

Но у Сфандры только глаза злорадно сверкнули под полуопущенными ресницами.

– Как же! Нужен он ей больно. Да ей никто не нужен. Только власть свою и ценит. А водила она Глеба, как козла на поводу. Даже челядь посмеивалась.

В голосе невестки явственно слышались злые интонации. Да и как не злиться, если муж, едва замечающий свою прекрасную варяжку-княгиню, при появлении той Малфриды прямо светился весь, голос дрожал. И все, что чародейка прикажет, кидался исполнять. Сфандра же, как княгиня и законная жена, попробовала было поставить на место Малфриду, спесь сбить да место указать, однако обычно смиренный Глеб едва ли не за кнут схватился, защищая возлюбленную. Той даже вмешаться пришлось, заступаться за обидчицу. Вот и приходилось после этого Сфандре улаживать Малфриду, заискивать перед ней. Да что ей, христиане, и те перед кудесницей трепетали, но она все равно их невзлюбила, велев Глебу гнать со двора. Прямо в ночь, сказала, что иначе ноги ее больше в Городище не будет. И Глеб повиновался. Только зря усердствовал. Была Малфрида – и сгинула. Одно слово – чародейка. В Городище тогда и ворот не отворяли, а она исчезла, будто ветром сдуло.

Рассказывая все это, Сфандра невольно подивилась, как внимательно слушает ее речь Игорь, как смотрит пристально. Она и не припомнит, когда тесть ей столько внимания уделял. И догадывалась: в Малфриде все дело. Вот чародейка проклятая!.. Хотела даже высказать свое суждение о Малфриде, но тут разговор князя с невесткой был прерван звуками со двора. Слышалось, как гудят в рожок, гомонят люди, ржут лошади.

Сфандра сразу поднялась, поправила подвески-колты у висков.

– Видать, князь Глеб прибыл. Что ж, пойду распоряжусь насчет вечерней трапезы.

Спокойная и величественная, Сфандра осталась госпожой в Городище, ее ничем не выведешь из равновесия. Игорь же волновался, не зная, чего ждать от сына. И то, что они с Глебом по одной бабе сохли... Постаравшись взять себя в руки, Игорь степенно вышел на крыльцо.

Его первенец Глеб стоял посреди двора поникший, плечи опущены, богатый плащ на меху сбился на сторону, свисает жалко. И выглядел Глеб таким потерянным...

У Игоря невольно кольнуло сердце – не от жалости, с досады. И почему боги послали им с Ольгой такого сына? Вот младший княжич Святослав, что в Киеве с княгиней остался, хоть и малец еще, а уже видно – настоящий князь будет. Этот же... Ни рыба ни мясо, все бы им кто-то руководил. То отец, князь русский, то христиане хитрые, потом Малфрида. Но, видимо, не сладилось что-то у Глеба с ней, раз так угнетен. И это, как ни странно, обрадовало Игоря.

Заметив, что Глеб смотрит на него, Игорь жестом велел сыну приблизиться. Тот повиновался. Шел через двор, такой же поникший, головы не поднимал, мел по снегу съехавшим плащом...

Они проговорили до глухой ночи. Пустая просторная гридница, чадающая площадка с огнем на длинном столе, бревенчатые стены, на которых развешаны пушистые шкуры, ветвистые лосиные рога, щиты, скрещенные копья. Хорошо, что Глеб хоть иконы снял, отметил князь, и не пялится больше со стен сурово христианский Бог, писанный по византийскому образцу, – темноглазый, со сросшимися бровями. Но Глебу от этого неуютно.

– Все поменялось в моей жизни, я во всем разуверился, отец. Холод и пустота завладели душой моей. Думаю, может, снова позвать христиан? Знаю, тебе это не любо, однако они всегда добры со мной были, учили милосердию, вере своей учили, на путь истинный наставляли. Я с ними себя нужным чувствовал, силу некую ощущал...

– Ты бы лучше вспомнил, для какого дела тебя в Новгороде поставили, – резко оборвал сына Игорь.

Великий князь Руси сидел от Глеба по другую сторону стола с крытой вышитым сукном столешницей. Рядом с сыном он выглядел витязь витязем – очи сверкают, стать горделивая. Возвышался над слабым сутулым Глебом, как утес. У сына же лицо рано постаревшее, круги под глазами, жиденькие волосы зачесаны наверх, открывая длинные залысины.

– Тебя я княжить в Новгороде поставил, – произнес Игорь, – а ты так правил, что новгородцы сегодня хотели скинуть тебя да просили князем к себе этого зарвавшегося Володислава.

Глеб только пожал плечами.

– Может, это и к лучшему? Дядька Володислав и тетка Предслава всегда Новгородом интересовались, меня к действию побуждали, ругали даже, что дела забросил.

– И поделом тебе, соколик. Ишь, что удумал – христианам во всем потакать! Слышал, ты даже церковь их в Новгороде возводить начал?

Глеб вздохнул.

– Где-то они теперь? Вот погонят меня новгородцы – уйду к ним. Стану жить в дальних пределах, где Иисуса Христа почитают, где люди хотят изменить мир к лучшему. Чтобы вражда прекратилась, чтобы милосердие снизошло на земную юдоль.

Игорь, запустив пальцы в седую шевелюру, смотрел из-под руки на сына. Этот все о христианах. Игорь не считал христианство чем-то вредным, однако полагал, что достойные люди невосприимчивы к подобным побасенкам. Те же, кто поверил рассказам о распятом Боге, – слабы и не стоят того, чтобы о них беспокоились. И Игорю было горько, оттого что его первенец Глеб оказался из таковых – слабых. Но ведь изгнал он все же христиан, хоть и по воле Малфриды! И князь спросил:

– А как Малфрида опять к тебе придет?

Глеб сразу встрепенулся, глянул на грозного отца ожившим взглядом. Игоря это гневило.

– Забудь о ней. Уж лучше с христианами...

Даже сплюнул с досады. И отчего это краса Малфрида его сына выбрала? Отчего не вернулась к нему, к Игорю? Уж он бы для нее... Ветру бы дунуть не позволил.

– Иди, Глеб, – как-то устало проговорил Игорь. – И помни: первое твое дело – помогать мне над Северной Русью стоять. А не справишься... Пеняй на себя. Я сам отдам тебя твоим жалким христианам!

Глеб вжал голову в плечи, выскользнул бесшумно. Игорь остался на месте, вспоминая, о чем ему сын поведал. О том, как этой осенью, будучи на охоте, Глеб отстал от спутников, заплутал по бездорожью и неожиданно выехал на лесную прогалину, где увидел странную картину: среди деревьев стояла рослая статная девица и кормила с руки сбежавшихся к ней лесных ланей. Зверье дикое к ней шло, словно к своей хозяйке. Лани те же, потом барсук появился, едва не о ноги терся, будто кот домашний, зайцы подбегали без страха. И так эта картина Глебу глянулась, что он застыл на коне, боясь пошевелиться, чтобы не спугнуть дивное видение. А девица вдруг его по имени окликнула, поманила рукой. И такой пригожей вдруг ему показалась... Позже люди говорили, что не больно она и красива – нос с горбинкой, лицо худое, щеки впалые, рот большой, губастый. Ту же Сфандру многие краше находили. Да только стоило Малфриде на кого внимание обратить, как тот сразу же попадал под ее очарование.

Игорь это понимал. Не забыл еще, как сам терял разум от чародейки. Ну, правда, в том, насколько она чародейка, он очень сомневался. По рассказам ее выходило, что она и с нежитью лесной знается, и Смока-змея видела, и Ягу, летающую на помеле, даже с мавками дружбу водила. Слушать о том Игорю было интересно, да и рассказчицей Малфрида была получше иных кощунников[21 - Кощунники – рассказчики.] известных. Однако кроме рассказней чудесных, ничем колдовским Малфрида себя не проявила. Вот только когда обнимала она князя... Дух захватывало! Жить да радоваться хотелось, любить так, как и в юные годы не получалось. Может, и впрямь Малфрида кудесница? Но одно Игорь понял: с ней у него любое дело ладилось, любое начинание успешным выходило. Так, по ее подсказке, он сумел вновь увлечь народ планами о походе на Царьград, снова стал войска собирать.

Да и с хазарами мир заключить получилось, а там, словно по воле Малфриды, год урожайный вышел, люди повеселели, песни петь начали, в долю лучшую верить, князя славить. Да и самого князя радость не покидала, вера в то, что все по его разумению получится. Ольга, та его подле себя удержать хотела, доказывала, что казна опустела после походов, что люд ропщет. Малфрида же иное говорила, а как скажет что, так по тому и выходило. Была в ней все же некая сила...

Игорь понял все это, когда Малфрида вдруг исчезла из его жизни. Как сейчас ушла она от Глеба, так же и тогда таинственно пропала. С утра была с князем мила да приветлива, даже вышла проводить, когда он за данью в мерянские пределы отбывал, а потом люди и объяснить не могли князю, как исчезла его лада, когда за ней такой надзор был, когда каждому ее слову повиновались, услужить желали. Асмунд, сперва ворчавший на Малфриду за самоуправство, и тот со временем смирился, даже дела князя с чародейкой обсуждал. Но именно из-под опеки верного Асмунда и ушла Малфрида. А куда? По велению князя Игоря где только ее ни искали. Но ни в городах, ни в весях и селищах никто ничего не мог о ней поведать. И вот она появилась снова...

Князь вздохнул. Огонек в открытой чашечке глиняного светильника перед ним почти погас. Заметался на самом донышке, вспыхнул на миг и потух, осветив напоследок гридницу желтоватым пламенем. Игорь остался сидеть во мраке. Слышал отдаленные звуки: перекличку стражей на стенах Городища, слабый гул голосов в людской, шаги охранника в сенях, различил даже крик вылетевшей на охоту совы. И еще шорох в подполье, словно крыса скреблась по закромам. Ночь. Князю следовало бы уже идти к себе почивать. Что толку в потемках сидеть?

Игорь встал. Хоромину в Городище он знал как свои пять пальцев, шел в потемках, не велел осветить себе путь. Поворот бревенчатой стены, потом крутая лестница наверх, под рукой знакомо угадывается резьба перил. В опочивальне князя было тепло. Здесь не так давно ввели новшество: печь каменную с вытяжкой, чтобы дым выходил в трубу, не скапливаясь под сводом. Но темень тут такая же, как и везде в тереме в позднюю пору. Игорь не стал звать челядинца, чтобы тот принес свечу да разостлал ложе. Сам справится. Нашупал на полке в углу глиняную лампу с носиком, достал из сумы у пояса огниво – темная полоска железа, изогнутая в сплющенное кольцо, холодила его ладонь. Сейчас чиркнет по ней кресалом. Но что-то не выходило: при ударе искры сыпались, но сразу гасли во мраке. Игорь даже ругнулся тихо. И тотчас...

Показалось или впрямь кто-то засмеялся приглушенно?

Масло в лампе вдруг вспыхнуло словно само по себе, да так высоко и ярко, что князь даже отшатнулся. И в этот миг кто-то и вправду сзади весело рассмеялся.

– Что, напугала тебя?

Голос был низкий, со знакомой легкой хрипотцой.

Игорь медленно, нарочито медленно, повернулся. Глядит – на полу в углу она, Малфрида.

Девушка сидела, обхватив одной рукой колени, другой же помахивала в воздухе, будто сбивала пламя. А ведь и действительно было похоже, что мелькнуло красноватым у нее между пальцами. Но Игорь об этом не думал. Просто смотрел на нее... Узнавал.

Все те же толстые светлые косы, переброшенные на грудь, а вот над темными глазами волосы обрезаны ровно, как в северных племенах девки подстригают. На груди, там, где расходятся края темной шубейки, видны костяные амулеты, согнутые колени обтянуты длинной одежкой из светлого сукна, обшитой по краю подола бронзовой извилистой проволокой. Поглядеть – так и впрямь финка али чудская девка. Будто и ничего особенного в ней, только показалось князю, что глаза ее темные странно отливают мерцающей желтизной. Свет ли отражают или светятся из глубины? Он и не заметил, когда мерцание погасло.

Игорь долго смотрел на нее, стремясь успокоить бешеный стук сердца. Потом спросил намеренно грубо:

– Отчего, как собака, в углу жмешься?

– Да вот сижу, тебя поджидаю. Аль не рад?

«Еще как рад!» – хотелось крикнуть Игорю, но смолчал. Когда-то она сама его покинула, страдать заставила. Теперь же сына его родного пленила, не подумав, как отец к этому отнесется. А ведь знала, поди, как разыскивал ее князь.

Эта странная девка много чего знала.

– Кто впустил тебя ко мне?

– А никто. Сама захотела и пришла. Мне другие не указ.

Все та же своевольная, горделивая Малфрида, столь не похожая на прочих баб. Но тем и была она мила князю, тем приворожить к себе сумела. Вот уж действительно – приворожить.

Игорь поправил ярко горевший фитилек лампы, зачем-то разгладил на столе складки скатерти. Потом молвил негромко:

– В опочивальню ко мне стражи кого попало не пускают.

Али усыпила всех?

Она стала смеяться – неслышно, легко.

– Догадался, княже. И впрямь усыпила. Слышишь, какая тишина?

Вокруг действительно было непривычно тихо. Ни одного человеческого голоса, только вдали, как и раньше, кричит ночная охотница сова. А в самой хоромине будто вымерли все.

– Ты мне голову своими волховскими рассказами не морочь! – сказал князь, усаживаясь в большое деревянное кресло у двери, словно загораживая Малфриде выход, опасаясь, что улизнет. – Наслушался я тебя уже вдосталь. Ответь-ка лучше, пошто меня тогда оставила? Иль не мил стал?

Игорь и себе боялся признаться, как страшится ответа девки. Она же поднялась, перекинула одну косу на спину, теребя кончик другой быстрыми пальцами. Ни дать ни взять обычная дворовая девка, убоявшаяся сурового тона владыки. Да только у дворовых девок нет такой горделивой осанки, нет привычки так надменно вскидывать подбородок.

– Как такой сокол, как ты, немилым может стать? Нет, княже, по другой причине ушла. А поймешь ли... Просто почуяла, что пришло мое время идти учиться. Я ведь мало чего знала, вот и захотелось науку ведовскую постичь.

Игорь покосился на ярко горевший в лампе огонь, который не он зажег, и отчего-то мурашки прошли по спине. Но показывать свой страх он, князь, не имел права. Да и верить не желал. Все это страсти, какими старики молодежь любят пугать. Поверить в них умудренному годами Игорю было так же нелепо, как уверовать в христианского Бога. Ну да, конечно, он знал, что где-то существуют Ирий[22 - Ирий – рай в славянской мифологии; место, где царит вечная весна, живут боги и улетают на зимнее время птицы.], небесные божества, Перун-Громовержец. Принимал Игорь в расчет и то, что леший может водить в лесах по бездорожью путников, водяной тянуть в темные глубины, да только вся эта нежить, если и существовала где-то, людей опасалась. И чем меньше о ней думаешь, тем больше силы в себе удержишь. Хотя вот Перун... Нет, князь Руси Игорь Старый ни в один поход не отправлялся, не принесся Громовержцу жертву, никакое дело не начинал, не погадав прежде у ведунов. Однако это было всего лишь данью старым обычаям, поэтому не больно волновало. Человек могуч своей силой да уверенностью, а все это колдовское... Если и есть что-то необъяснимое – взять ту же воду чародейскую, живую и мертвую, – думать об этом себе же во вред. Отвлекает от насущного, ослабляет.

– О чем задумался, княже?

Малфрида чуть склонилась к нему, заглядывая в глаза.

– Я правду говорю: уходила учиться. Я ведь умелая, а многое позабыла, да и силы свои, любясь с тобой, растеряла. А как отбыл ты за данью, я и почувствовала: вернуть свое умение хочу и новые знания получить. Вот с тех пор и ходила по священным рощам и ведовским местам, спускалась в чародейские пещеры да науку волховскую у мудрых ведунов постигала, училась ею пользоваться. Много нового мне узнать удалось. И как финские колдуны погоду визнают да бури насылают, и как грозный Укко[23 - Укко – верховное божество в угро-финской мифологии, бог грома.] град собирает в тучах грозных. Даже птицу Гамаюн[24 - Птица Гамаюн – мифологическое существо, птица с головой и грудью девицы. Она поет о многом, чего смертные не знают, а ее крик предвещает счастье.] однажды послушать довелось, пока та, чуткая, не упорхнула, не успев донести до меня все, о чем знать хотелось.

Однако то, что к тебе мне пора возвращаться, – поведала.

– Ко мне али к сыну моему?

В голосе князя теперь отчетливо слышались ревнивые нотки. Но это понравилось Малфриде, она вновь стала смеяться. Даже повалилась, хохоча, на пышные перины ложа, болтая ногами в расшитых зубчатыми мерянскими узорами чеботах[25 - Чеботы – сапожки с низкими голенищами.]. А потом резко смеяться перестала. Приподнявшись, смотрела на князя своими огромными темными глазищами, дышала еще тяжело.

– Ты, Игорь пресветлый князь, в мое волховское умение никогда не верил, а то сказала бы тебе, что прибыть к Глебу-княжичу означает для меня тебя найти. Тебя-то где носило по всей Руси? Разве угналась бы за тобой? О том же, что ты сына наведишь этой зимой, я вызнала. Да и надо было отогнать от Глеба христиан поганных. А то они вообще все чародейское в этих краях развеяли бы.

Игорь смотрел на нее, видел ее необычное лицо с интересными впадинками под скулами, видел яркий влажный рот. И такое желание его вдруг охватило, что даже в висках застучало. Не забыл еще, как это с ней... Как это ее... Однако сдержался. Спросил:

– Тебе-то что за беда от христиан? Они безвредные.

– Ну, это как сказать. Сами они, может, и ничего собой не значат, а вот вера их многое вокруг изменить способна. Потому и велела их прогнать.

– И Глеб мой тебя послушал? Никого не слушал, а тебе поддался?

– Да.

Игорь вдруг быстро подошел к ней, схватил за косу, притянул, так что лица их почти вплотную одно к другому оказались.

– А что обещала за то Глебу?

– Себя!

Игорь едва не рыкнул от гнева, Малфрида же рассмеялась. Мягко отстранив князя, стала говорить, что обманула Глеба, что не люб он ей, только помочь ему хотела да жизнь его болезную продлить, когда, разуверив его в словах христианских проповедников, заставила чародейской водицы испить. А ее она для князя Глеба сама в чаще лесной отыскала. Не так и много ее тут, в северных землях, но уж она постаралась добыть, заговорила на хранение да сцедила в долбленные из тыквы бутылки. Ну и Глеб не устоял, когда мертвой водой его омыла, а потом с заговорами живой водой напоила. Хоть хворобы вечные Глебовы отогнать смогла. Но разве Игорь и сам не заметил, что Глеб лучше выглядеть стал?

– Я заметил только, что по тебе он сохнет, – буркнул князь, отходя от Малфриды.

Они помолчали. Где-то по-прежнему кричала сова, гудел огонь в печи, тихо было так, что впору поверить во все небылицы чародейки. Положив руки на стол, Игорь всем телом оперся на сжатые кулаки. Много разных чувств бродило в его душе. Вот, думал, обниму сейчас ее, как раньше, зацелую до дрожи, покрою собой... Но отчего-то и подойти боялся. Боялся той власти, какую Малфрида всегда над ним имела. Как и над сыном его. И даже с каким-то злорадством поведал ей, что Глеб вновь о христианах помышляет. Что ж, выходит, и не так сильна ее власть над сыном?

Это Малфрида не понравилось. Притихла огорченно, задумалась. Потом попросила:

– Сделай, как я скажу, княже. Вели гнать из земли Новгородской христиан пришлых, а тех из местных, кто речам их прельстительным поддался да крест на шею повесил, вели задавить налогами. Здесь, в Новгороде, как я проведала, принявших христианство немало, вот и будет тебе дополнительный прибыток в казну. А там, глядишь, и не захотят люди распятому Богу поклоняться, зная, какой оброк с них возьмут за веру. Но ты сделай, как велю, князь. Поверь мне, ибо я никогда еще тебе дурных советов не давала. Помнишь ли?

Да, Игорь помнил. Именно по совету Малфриды он решил сделать в Киеве стольном иудейский квартал, а это принесло мир с Хазарией могучей[26 - Хазарская верхушка состояла из иудеев, поэтому расширение их поселений на Руси не могло не понравиться хазарам.]. По совету той же Малфриды Игорь решил освободить от налогов торговых варягов, отчего их немало явилось

на Русь, он смог набрать новую рать и после неудачных походов на Царьград усилить русское войско. Так же некогда Малфрида отсоветовала ему примкнуть к походу большого отряда варягов, уходивших на далекий полдень к Каспию, на страну Арран[27 - Арран - Азербайджан.]. А Игорю тогда страсть как хотелось присоединиться к той рати, дабы победами на берегах Каспия прикрыть свое позорное поражение под Византией. Прямо горел идеей этого похода, уже и собирать дружину велел, но Малфрида отговорила. Игорь послушался свою чародейку, но одно время все же кручинился, особенно когда Малфрида пропала внезапно, а весть о победах на Каспии легкой птицей долетела до берегов Днепра. Однако потом... Полегли варяги в том походе, даже следов не осталось. А тех, кто выжили, погубили болезни[28 - Упомянутый неудачный поход имел место приблизительно в начале сороковых годов X века.]. Игорь же, оставшись на Руси, уцелел, да войска свои пополнил с тех пор.

Вот и выходило, что не зря тогда Малфриду послушался.

– Да, ты никогда мне дурного не советовала, – согласился Игорь, задумчиво водя пальцем по выпуклым узорам наручней. – Но советы твои, как и советы суложи[29 - Суложь – главная супруга.] моей Ольги, все к одному сводятся: сиди дома, князь, забудь о походах да о славе. Только тяжело мне от того. Душа болит. Люди вон Олега Вещего по сей день славят, а обо мне что скажут? Какие песни споют гусли о походах моих?

Малфрида внимательно поглядела на сникшего князя, потом подошла, приобняла за плечи, в глаза заглянула участливо.

– Ой ли, князь? Не ты ли дикое племя пришедших из степей печенегов отгонял от Руси? Не ты ли удержал восстававших против тебя северян и радимичей? Я уже молчу... – отчего-то вздохнула протяжно, – молчу уж о том, как ты вольное племя древлян после смерти Олега под себя заново взять сумел.

Игорь, чувствуя ее близость, ее ласку, взволнованно задышал. Сдерживался, не желая показать строптивой девке, как его тянет к ней, какую власть она над ним имеет. Потому и отстранился, молвив сурово:

– На Руси, Малфрида, знаешь, какие песни сейчас поют? Что не столько я, сколько мой воевода Свенельд смог древлян удержать в Руси. Мол, он и нежить древлянскую побил, и чародеев их разогнал, даже змея-ящера ужасного

трехголового одолел в жестоком единоборстве[30 - Об этом рассказывается в романе автора «Ведьма».]

– Свенельд! – страшным голосом вдруг вскричала Малфрид а и так резко выпрямилась, что косы ее отлетели за спину, стукнули амулеты на груди. А глаза так и полыхнули. – Все Свенельд проклятый!

Она заметалась по опочивальне под удивленным взглядом князя. Тот даже усмехнулся в бороду.

– Ох, погляжу я, больно не любишь ты воеводу моего Свенельда. А ведь певцы-кошунники вещают, что он самый удачливый из всех, кто под моей рукой ходит. И племя уличей[31 - Уличи – южнорусское племя, обитавшее одно время на днепровских порогах, но позже переселившееся на запад.] покорить сумел, и со степняками бьется лихо, да и древляне присмирели у него.

Малфрида продолжала метаться. Потом неожиданно остановилась так, словно налетела на невидимую стену. Пробормотала негромко:

– Варяг Свенельд... Варяг Свенельд. Гад заговоренный! Помню, как поведали мне, что связаны мы. Что его гибель и меня сгубить может. Как же отвязаться от связи той роковой?

Игорь не разобрал ее слов. Стал спрашивать, но Малфрида уже сама к нему шагнула.

– Вот что, княже, неспроста я к тебе пришла в этот раз. Я гадала о тебе: по звездам гадала, по горящему огню, по птичьему полету и по жертвенной крови. И вижу, что пришел час, когда прославишься ты и станешь знаменит даже более Свенельда. Так что хватит советы княгини своей и послушных ей волхвов слушать да по мирным племенам разъезжать, дань собираючи. Но скажи мне: тешит ли еще тебя мысль с ромеями за прошлые поражения поквитаться?

Теперь Игорь встал. Глянул на ведунью, тяжело дыша от волнения, так что блики от светильника скользили по навесным медальонам на его гривне[32 - Гривна – здесь нашейное украшение, свидетельствующее о высоком положении человека.]

– Говори, Малфрида!

Она захохотала громко, торжествующе. Резко оборвала смех.

– Скажу, князь. Скажу, что пришло время, когда и звезды удачу тебе сулят, и вода о том плещет, даже вещая птица Гамаюн о том криком оповещает. Чтобы поверил мне, напомним: войска ты собрал достаточно, силу накопил большую, а ромеев пока другие ослабляют. Венгры те же царя ромеев били, хазары, враждующие ныне с Царьградом из-за гонений на своих единоверцев. Все ли верно я прознала, Игорь мой? Ну а дела, что тут держат... Разве что горделивого князя Володислава посоветую с собой в поход позвать, чтобы он Глеба власти окончательно не лишил. От ратного похода Володислав Псковский постыдится отказаться, пойдет с тобой, а Глеб во время его отсутствия опять в силе в Новгороде будет. Гм... Насколько это возможно для Глеба Игоревича.

Игорь стремительно шагнул к советчице, прижал порывисто к себе.

– Все-то ты знаешь, краса моя. Обо всем-то подумала. Но не оставишь ли опять меня? С тобой мне и удача, и радость, без тебя же... Душа моя замирает без тебя, холодно и пусто становится.

Князь принялся целовать ее, а она тихо смеялась, ерошила тонкими пальцами его седеющие густые кудри. Потом все же отстранилась:

– погоди, Игорь. Хоть и люб ты мне, но не пришло еще время мне от чародейства отказываться. Любовь же твоя меня силы лишает. Так уж выходит. – Она вздохнула еле слышно. Но быстро взяла себя в руки, взглянула на растрепанного, бурно дышащего Игоря. – Повремени немного, все одно твоя буду. А пока... Сперва поворожить тебе хочу да показать кое-что. Чтобы знал ты, что супротив тебя Свенельд замышляет. Чтобы видел, кому охрану Киева доверил!

Игорю сейчас не было никакого дела до Свенельда. Что Свенельд!.. Куда он денется? И Игорь только досаду ощутил, когда лада его из объятий выскользнула. Но сдержался, сел на прежнее место, у самого же глаза горели, как у голодного волка. А Малфрида словно вмиг забыла о нем. Встав перед горевшим в лампе огнем, начала делать непонятные движения руками, что-то

шептать беззвучно. И огонь вдруг будто загорелся ярче, светлее в опочивальне сделалось, сияние некое пошло, и показалось князю Игорю...

Вроде бы видит он княгиню свою Ольгу, видит ее румяное лицо с богатыми подвесками у висков, светлые очи под сенью ресниц загнутых. И глядят эти очи... Неужто на Свенельда? Да, так и есть, а вон и сам посадник древлянский стоит в стороне, то оглянется на княгиню, то вновь отвернется. Но и этих коротких взглядов показалось Игорю достаточно, чтобы заподозрить свою верную жену Ольгу и воеводу Свенельда... Глупость какая-то! Да Ольга при Игоре... Само положение княгини ее обязывает! Игорь облегченно перевел дыхание, когда заметил, что Ольга отвернулась от приближавшегося к ней Свенельда, стала уходить торопливо. Игорю хотелось взглянуться повнимательнее... да словно мешало что-то. Вроде бы темное пятно начало разрастаться на ясном только что изображении, заслонять все. И постепенно стал вырисовываться некий черный силуэт. Будто приближался кто-то в темной развевающейся накидке, даже дыхание сиплое было различимо, холодом потянуло, ветром подуло.

И тут Малфрида вдруг закричала. Пронзительно, страшно, испуганно.

Игорь мотнул головой, прогоняя наваждение. И вновь оказался в сумеречной опочивальне, среди крепких надежных стен хоромы Городища отцовского. А Малфрида так и кинулась к нему, прикинувшись к сильной груди князя и дрожа всем телом.

– Спаси, защити меня! Он... Опять он, жуткий, страшный... Не хочу!

И зарыдала истошно. Князь обнял ее, стал гладить по голове, успокаивая. Она же бормотала сквозь всхлипывания:

– Видать, нельзя мне воровать. Видать, выдаю я себя тем. А кому? Боязно мне, жутко... Возьми же меня, сокол мой ясный, Игорь-князь. Люби, сделай своей.

Более сладких слов Игорю, казалось, и слышать не доводилось. А то, что померещилось... Но ведь Игорь всегда знал: именно неверие в нечисть и дает силу смертным. А такая Малфрида, без чародейства, со всеми ее обычными девичьи ми страхами, была князю особенно мила.

И он целовал ее, упиваясь сладостным вкусом горячих, влажных губ, ласкал все еще дрожащее тело, пока оно не перестало биться, замерло в его сильных руках, прижалось доверчиво.

– Люби меня, князь, – шептала между поцелуями чародейка. – Люби меня, мой победитель, мой воин, моя защита.

Она увлекала его, тянула к себе, опрокидывая на мягкие перины. И Игорь не знал, что ему в этот миг слаще: ее ли слова о будущих победах или ее покорность... ее упоительная, манящая слабость... страстность.

Глава 2

Хорош воздух над теремными строениями Вышгорода. Прекрасен вид на вольный Днепр, огибающий берега города. Река блесит, солнце сияет, вдаль в легкой дымке уходят пологие земли Левобережья.

Княгиня Ольга стоит у распахнутого широкого окошка в своем тереме. Вышгород отдан был ей еще при Олеге Вещем, некогда простая крепость на полночь[33 - Полночь – север.] от Киева, ныне же град над Днепром. И Ольге любо глядеть на свою вотчину: поднялся Вышгород при ее правлении, вытянулись по кручам оборонные частокоты, разрослись резными башенками боярские терема, раздались вширь торговые места, протянулись улицы посада, расположились вдоль берегов пристани и верфи. На верфях сейчас особенно оживленно, работа кипит от зари до зари, стучат молоты, высятся штабеля досок, и радостно видеть, как сходят на воду уже готовые струги, с высоко поднятыми птицеобразными штевнями, раздуваются на ветру вышитые квадратные паруса.

Судоходство на Днепре в этом году началось рано. Под теплым солнышком лед разломался уже в первые масленичные дни и сошел, едва девичьи хороводы закружили у костров на первой траве-мураве в Лелин праздник[34 - Лелин праздник – приблизительно 20 марта; Леля – у славян богиня девичьей красоты, юности, свежести, счастья.]. Река поднялась мощно, полная от стаявших снегов. Волхвы гадали: к урожаю, богатой добыче, к торгу выгодному это. И княгиня Ольга радовалась тем вестям: после походов Игоря, после набегов кочевников

степных казна опустела, и хороший урожай ох как надобен был для Руси.

Новый порыв ветра ворвался в окошко, заполоскал длинную вуаль княгини, ниспадавшую из-под опущенной соболем шапочки. Ольга втянула тонким носом воздух. Даже сюда, в ее терем в детинце[35 - Детинец – кремль, укрепление внутри городских стен.], доносился запах цветов, которыми пышно запестрели склоны Днепра по веселой квитневой[36 - Квитень – апрель.] поре. И смеяться княгине хотелось, как девушке юной. Весна, молодая горячая кровь после чародейской воды, предсказания мира и спокойствия в краю. Но было и еще нечто, волновавшее кровь Ольги.

Княгиня накинула белую горностаевую накидку, вышла на галерею, опоясывающую хоромину. Отсюда, с высоты, хорошо виден плац, на котором происходили учения воинов. Свободное, посыпанное песком пространство перед дружинными избами было полно кметей[37 - Кмети – опытные, полноправные воины в дружине.], упражняющихся с оружием. Кажется, не бабье это дело следить за учением воев, но Ольга смотрела. Стояла, прямая как меч, удерживая у горла пушистый мех накидки.

Ловко бросают дружинники копья в цель, упражняются с мечами, борются в захват. Некоторые раздеты до пояса, влажные тела блестят, тугие мускулы ходуном ходят. В стороне проходят обучение молодые уные и детские[38 - Уные – младшие дружинники; детские – сыновья воинов, подрастающие при дружине, сызмала проходящие воинскую науку.], мечут стрелы, отскакивают от вращающегося на шарнирах многорукого деревянного истукана, соревнуясь в ловкости. Будет кому охранять Русь от врагов.

Но даже не вид обучающихся дружинников привлекал княгиню. Стоя на галерее, пряча подбородок в легкий светлый мех, она наблюдала за дававшим воинам уроки воеводой Свенельдом. И сердце в ее груди начинало гулко стучать.

А ведь прознай кто... Но чем же Свенельд плох, чтобы на него не глядеть пресветлой княгине? Рослый, плечистый, однако вместе с тем и поджарый, как породистый жеребец. Длинные светлые волосы отливают на солнце золотом, ложатся ровной челкой на темные брови. А глаза у воеводы хищные, слегка раскосые, с высоты цвета не разглядеть, но Ольга столько раз вблизи вглядывалась в их яркую, цвета весенней листвы зелень. Ибо был варяг Свенельд ее ближайшим боярином и советником, не раз восседала рядом с ним за пиршественным столом и на совете. Но это, когда князь Игорь в разъездах

находился. А в разъездах муж ее бывал постоянно...

При мысли о муже Ольга слегка вздохнула. Хотя с чего бы? Игорь – князь всей Руси, ему положено объезжать свои владения, охранять от набегов, суд и расправу чинить да в дела управления вникать. Вот только в Киеве подле жены редко князь бывает. Ольга поначалу все тосковала, пока однажды не поняла, что ей вольготнее без него. Сама поразилась этому. Ведь некогда любила мужа без памяти, наглядеться, надышаться на него не могла. Но потом вдруг осознала, что власть ей милее мужниных объятий. А как приедет Игорь, все по-своему повернет, на шумит, наломает дров, оторвет людей от дел ради очередного похода. Ей же потом ровнять все да приводить в порядок, бояр ублажать, указы новые готовить. Хотя и дал ей Игорь власть, при нем она себя словно уязвимой чувствовала. Опасалась, что не хвалить будет муж за ее заботы о Руси, а ворчать на то, что не так все сделала. Сам бы попробовал, каково это Русью править, с людьми сговариваться да за наполнением казны следить. И в этом трудном государственном деле не князь, а именно Свенельд был ей поддержкой. Этот варяг никогда ни в чем не упрекает княгиню, наоборот, смотрит пытливо, ожидая, чем угодить, помочь можно. И когда князь с дружиной отбывал на дальние рубежи, Ольга знала – она не одинока. Есть рядом сильный и надежный витязь, он и границы Руси защитить сможет, и дань с непокорных племен собрать, и на расшумевшихся бояр прикрикнуть, и советом помочь... да и слово ласковое порой молвить.

Некогда Ольгу смущало внимание Свенельда: боялась, что люди языками начнут трепать да Игорю еще чего наговорят. Но время шло, и, хотя ключницы и шептались по клетям: мол, уж больно пригожий Свенельд к княгине жметя, но дальше этого дело не шло. Ольге же постепенно в радость стали заботы и внимание варяжского воеводы, его речи любезные. Большого ни он, ни она себе не позволяли, ибо слишком на виду были. Но все же... Все же...

Наезжая в Киев, Игорь не щедро княгиню свою лаской одаривал, больше о делах спрашивал да журил порой. А спали они... Вот-вот, просто спали вместе, привычно и спокойно, как состарившиеся за годы супружества муж и жена. Может, так и правильно, если учесть, что не один десяток лет в браке Игорь и Ольга, однако ведь оба пьют чародейскую воду, тела их упруги и приятны, страсти не исчезли, как у проживших долгие годы вместе простолудинов, тем не менее уже не тянулись друг к другу, когда укладывались на перины. Привыкли, поднадоели один другому. Поначалу Ольга гневалась, когда узнавала, что муж ее любовниц лаской одаривает, но со временем вроде бы

смирилась. Так ей казалось. Сама же все чаще стала подумывать про Свенельда-варяга...

Свенельд, словно почуяв, что за ним наблюдают, оглянулся на терем. Ольге приятно было смотреть на него, растрепанного на весеннем ветру, статного, пригожего... Чувствовала, как на устах невольно начинает расцветать улыбка. Свенельд тоже заулыбался, но лишь едва повернулся, едва шагнул в ее сторону – длинноногий, ловкий и такой сильный... В его гибких движениях, в развороте широких плеч ощущалась некая особая мощь...

Ольга быстро отступила в терем, даже дверь поспешила прикрыть. Что это он себе позволяет? Но все равно легко и радостно было на душе. Словно с этой весной вновь ожило в ней то игривое, нетерпеливое и горячее, что только в юности и чувствуешь. Ах, не будь она княгиней, женой Игоря... Но тут Ольга заставила себя опомниться. Даже головой тряхнула, так что звякнули подвески у лица. И пошла по длинному коридору степенно и величаво. Как подобает великой княгине.

То ли день такой был светлый и легкий, то ли не хотелось вновь обременять себя государственными заботами, к делам Ольга приступить не спешила. Отправилась в расположенный за теремными постройками небольшой сад, где в эту пору няньки вывели на прогулку детей, живших при княгине в Вышгородском детинце.

В саду уже распустились белоснежные цветы на заморском дереве абрикосе, посаженном тут по велению княгини и теперь пышно расцветавшим каждую весну, еще до того, как другие сады покроются бурным цветом. Оттого в саду было по-особому светло и отрадно и здесь так любили гулять дети.

На попечении княгини их было немало. Но Ольга прежде всего глянула на своего сына Святослава. И защемило сладко сердце при виде княжича. Третий год шел ему, был он крепеньким, шумным и уже теперь столь властным, что по всему видать – знает, для чего рожден.

Вот и сейчас маленький Святослав с громким криком наседавал на мальчонку, почти вдвое старше его, пытаясь отобрать деревянную сабельку, выгнутую на хазарский манер. Старший, Блудом нареченный, не отдавал, прятал руку с саблей за спину.

– Да пошто? Скажите ему! Мне подарена!

Няньки и мамки суетились, оттаскивали княжича, уговаривали. А он вырывался из рук, выгибался животиком вперед, даже ножкой топал. И голосил обиженно. Говорить-то он еще не умел, зато кричать мог так, что сразу становилось ясно: требует желаемое.

Однако и Блуд не отступал:

– Мое! Мне дадена! Поди прочь!

В отличие от княжича, он уже неплохо говорил и был старшим среди воспитанников княгини. А нарекли его Блудом потому, что одна из дочерей киевского боярского рода, как говорят в народе, в подоле его принесла. Родня сперва от ребеночка толку не видела, даже услать подальше намеревалась, а то и волхвам на капище отдать, однако Ольга решила, что не худо Блуда при себе оставить, чтобы в окружении княжича Святослава росли те, кто со временем составит его верную дружину.

По той же причине еще нескольких собрала в тереме: тех же племянников мужа, привезенных из Пскова, Акуна и младшенького Игоря, сыновей своевольной Предславы и мужа ее Володислава. Вроде как честь оказала княгиня, взяв племянников в Киев на воспитание, на деле же заложниками сделала, чтоб заносчивые родичи помнили, что им за самоуправство может быть. По той же причине содержала в детинце еще двоих – сына печенежского хана Темекея Курю и мадьярского царевича Аспаруха. С одной стороны, они служили заложниками, с другой – сызмальства приучались дружить с подрастающим князем. Правда, такие мальцы не совсем понимали свое предназначение и пока просто с любопытством следили за тем, чем окончится спор капризного княжича и Блуда.

И еще двоих совсем недавно приняла к себе княгиня. Эти двое – светловолосые, на диво спокойные по сравнению с бойким княжичем, – были сыновьями Свенельда. После того как в конце этой зимы неожиданно и загадочно умерла его жена Межаксева, княгиня предложила верному воеводе позаботиться о его маленьких сыновьях. Мол, Свенельд ей верой и правдой служит, весь в хлопотах и делах, а она хочет снять с него такую обузу, как забота об оставшихся без матери детишках. И теперь сыновья Свенельда, Мстислав и ровесник

Святослава Лют, тоже играли в саду под цветущим абрикосом.

Единственной девочкой в этой компании карапузов была воспитанница Ольги Малуша. Ох и бойкая же девчонка!

Завидев, как няньки, сюсюкая, удерживают княжича, а Блуд, сопя, отступает, пряча за спину свою сабельку, Малуша – этакая кроха, ведь только четвертый годок пошел, – вмиг оставила под деревом тряпичную куклу и кинулась к Блуду. Подскочив сзади, вырвала сабельку и бросила под ноги Святославу.

Блуд тут же поднял рев, зато Святослав быстро успокоился: подняв сабельку, стал помахивать ею так, что няньки с испугу попятились. Малуша же смеялась, но до той поры, пока пинок Блуда не свалил ее с ног. Тогда и она заплакала обиженно. И началось. Свенельдовы сыновья рожицы скривили в плаче, за ними и Акун с маленьким Игорем решили поддержать компанию. Аспарух и Куря тут же присоединились к общему реву.

Глупые няньки не знали, к кому кинуться, носились бестолково.

Ольга решила вмешаться. Первым делом направилась к сыну. Он так и бросился к ней, приник к материнским коленям. Но едва та приголубила, отступил. Мычал довольно, показывая свой трофей. Княгиня мигом успокоила сына: мол, сабельки у тебя еще будут свои, а эта чужая. Не полагается князю забирать у близких того, что не принадлежит ему, дурной пример показывать. Ну же, отдай сабельку. А Ольга ему за это коня деревянного подарит, да еще с уздечкой из настоящих бляшек, как у родовитого хазарина.

Княжич сперва насупился, потом и впрямь протянул игрушечную саблю. Но не Блуду, а Малуше. Девочке она была без надобности. Бросила на землю, хмуря черные, словно прорисованные, бровки. А Блуд тут как тут, подскочил, поднял саблю, замахал над головой, пятась к стене, и стал тарыхтеть своим трофеем по бревнам частокола.

Святослав же взял Малушу за руку и начал что-то лепетать непонятное. Но та вроде все поняла. Сказала:

– Идем.

Он и пошел как привязанный, вложив свою маленькую ладошку в руку девочки. Ольга умиленно смотрела им вслед: на своего карапуза сына в подбитой мехом шапочке на русых кудрявых волосах и Малушу с тоненькими черными косичками, забавно торчавшими в разные стороны.

– Ишь, угомонила, – произнесла рядом одна из мамок. – Что зеленоглазка скажет, то он и выполняет.

Глаза у Малуши и впрямь были зеленые-зеленые. Как у Свенельда. В тереме шептались, что вот еще один Свенельдов птенец при княгине обитает. Сам же варяг все отнекивался, а мог и грубо оборвать, если намекали, что Малуша его дочь. Девочку-то принесли в Киев древляне, даже сказывали, что отец ей Свенельд, а матерью была некая Малфрида, однако сам варяг словно и не замечал ребенка. Ольга же к малышке привыкла и не видела дурного в том, что Малуша сдружилась с княжичем. Девочка была не по летам разумница, рано заговорила, и в этой компании мальчишек, где все мал мала меньше, но все благородной крови, Малуша была заводилой. Даже старший из них, Блуд, порой уступал девочке. Хотя бывало, что и поколачивал.

Княгиня могла бы еще поиграть с детьми, но ждали дела. От резного крылечка к ней спешил важный боярин Тудор.

– Послы хазарские прибыли в детинец. Хотят перед отъездом последний почет тебе оказать, княгиня, – сообщил он.

Ольга резко повернулась.

– Что? Ох, как некстати. Разве сам не понимаешь, Тудор, что нынче, когда гости из Царьграда подъезжают к Вышгороду, не следует им с хазарами здесь видеться. Как нежелательно и то, чтобы хазары их встретили.

Тучный боярин затоптался на месте, развел руками.

– Все я разумею, княгинюшка. Но ведь не гнать же взашей степняков? Как-никак мир у нас с Хазарией.

Ольга все понимала, потому и направилась торопливо в терем. Что ж, если послов хазарских все же придется принять, то уж их встречу с ромеями никак нельзя допустить. И Ольга велела позвать верного Свенельда.

Тот прибыл моментально, еще разгоряченный после плаца. Княгиня поманила его рукой, приказав скакать на тракт к Вышгороду и под любым предлогом задержать ромеев, пока она хазар не спровадит. Сейчас, когда у Византии с Хазарией столь натянутые отношения, нежелательно, чтобы посланцы этих держав в ее тереме сошлись да потом донесли своим владыкам, что воинственная Русь их врагов привечает. Ну и заодно пусть Свенельд расспросит византийских послов, что привело их в варварскую Русь, да еще до того, как судоходство наладилось и торг пошел. Ведь неспроста изнеженные ромеи прибыли в самую весеннюю распутицу.

Знать, дело у них спешное и важное.

Свенельд мгновенно все понял, кивнул и поспешил к выходу, даже не заметив, каким взором провожает его княгиня. Ей же так хорошо на душе сделалось: вот он, ее помощник, ее друг верный, который никогда не подведет.

Сама же прошествовала в гридницу. Там на возвышении стояло ее кресло, она садилась в него, когда хотела придать себе величия. Вот и сейчас степенно поднялась по трем крытым алым сукном ступеням, села, положив тяжелые от перстней руки на резные подлокотники в виде медвежьих голов. По сторонам от нее стояли волхвы-советники, вдоль лавок у стен в ряд собрались бояре. Все, как и надлежит, чтобы принять послов. Ольга чуть повела бровью, и глашатай ударил в тяжелый медный диск, сообщая, что к приему все готово.

Гостей из Хазарии Ольга принимала с величественностью правительницы. И хотя знала заранее, о чем говорить станут (возносить им с Игорем хвалу, за то, что позволили иудейский квартал учредить в Киеве), кивала согласно, произносила в свою очередь приветливые речи. Дескать, и ей любо, что мир у них с Хазарией, и именно им угодить хотела, когда льготы на торг с иудеями позволила. Хазары с иудеями люди одной веры[39 - Хазарский каганат сделал иудаизм своей официальной религией в конце VIII века.], друг за друга горой стоят, вот им и мило, что отныне у них в стольном граде русичей свое дворище есть. И все же, разглядывая хазарских послов, Ольга думала о том, что уже не те хазары, какими были прежде, когда Русь им дань от каждого дыма[40 - Дым - единица обложения данью.] платила. С тех пор как Вещий Олег отказался дань

Хазарии давать, да и другие племена от нее освободил, а позже Игорь в том укрепился, строптивые хазары присмирели, не дают на славянских соседей, наоборот, мира добиваются. К тому же сейчас им мир с Русью как никогда нужен: и болгары[41 - Имеются в виду черные болгары – тюркское племя, жившее по среднему течению Волги в VI–XII вв.] разбойничают, и агряне[42 - Агряне – арабы.] покоя не дают, и пришедшие из степей печенеги набеги учиняют, а больше всего не ладят они с могучим соседом Византией. Особенно с того времени, как византийский император Роман Лакапин[43 - Роман Лакапин – византийский император, правивший в 920–944 гг.] гонения на иудеев начал и те толпами бегут жаловаться хазарскому хакану Иосифу. Ольга же с ними торг начала да взяла под свою защиту. Поэтому хазарские послы и благодарят ее, дары подносят. Что ж, Ольге любо, что со степью у Руси нынче мир. Если бы еще не печенеги... От этих не знаешь, чего и ожидать. И Ольга намекнула хазарам, что, ежели они хотят, чтобы она и дальше покровительствовала торговым иудеям, то пусть уж проследят, чтобы их общие враги печенеги не получали от хазарских хаканов плату за набеги на Русь.

Этот разговор привел гостей из Хазарии в смущение, они что-то бормотали в оправдание, но Ольга уже дала понять, что прием окончен. Особенно когда заметила, что у дверей гридницы показался верный Свенельд. Значит, уже справился, есть о чем поведать. Потому-то Ольга распростилась поскорее с хазарами и даже отряд выделила, чтобы проводили гостей быстренько, но и с почетом.

У ожидавшего ее Свенельда было сосредоточенное лицо.

Даже острые скулы четче обозначились, глаза блестели.

– Гостей из Византии мои люди пока удерживают за городом, – сразу приступил к делу варяг. – Я же к тебе поспешил с вестью. И весть та занятная: ромеям ни много ни мало, а вода чародейская понадобилась. А так как послы – от самого базилевса[44 - Базилевс – титул императора в Византии.], осмелюсь предположить, что стараются они лично для Романа Лакапина. Так что требуй от них, пресветлая госпожа, чего пожелаешь, они согласятся на все.

Ишь, и это он сумел выведать да подсказать нужное. Ольга пожала благодарно варягу руку. Ответное пожатие будто и не заметила, тут же с головой ушла в подготовку к приему. Переговорила с купцами да с советниками о последних вестях из Византии, велела напомнить, какие нарушения в уложенном еще

с Олегом договоре привели к разладу между державами. Потом приказала приготовить для встречи с послами небольшую палату, где бы не было ушей шумного боярства. Ибо знала: пусть бояре и твердят, что они на Руси Дума, но ей надо было так повернуть, чтобы ее воля впереди боярской шла, даже впереди воли князя Игоря.

В малой палате стены расписаны райскими птицами и завитками трав, скамьи у стен покрыты узорчатыми коврами. Не византийская роскошь, но нарядно и богато. Свое резное кресло Ольга велела поставить у открытого полукруглого окошка, откуда долетал вольный воздух, а перед собой расположила натянутое на раму полотно и села с иголкой и ниткой за рукоделие. Пусть послы видят: прибыли они не только к княгине, но и к жене и хозяйке, которая не проводит время в праздности.

Гостей из Царьграда явилось шестеро. Возглавлял их чисто выбритый видный муж в летах, с тонкими чертами и кудрявой рыжеватой шевелюрой. Держался он надменно, однако то и дело шмыгал носом и поглядывал на открытое окно. Ольга подавила усмешку, заметив, как он, видимо озябнув, поплотнее стянул на груди складки драпированной хламиды. Что ж, ромеи люди теплых краев, им русская весна непривычна, вот и простыл в пути важный сановник. Еще внимание Ольги привлек воин-ромей: в богатых, выпирающих на груди латах, с крупными чертами лица сильного человека, с темными, чуть навывкате глазами и густыми, сросшимися на переносице бровями. На остальных княгиня едва взглянула – так, мелкая сошка, охранники и писец.

Возглавлявший посольство ромей, простуженно хлюпая носом, поклонился и представился:

– Мое имя Феодор Эратик, пресветлая архонтесса[45 - Архонт – высшее должностное лицо в городах-государствах Древней Греции; архонтами в Византии называли правителей, которые приравнивались к владетельным князьям (обладающим правом наследственной власти).]. Я состою в должности спафария в секрете логофета дромы, то есть служу важному государственному мужу, который занимается иноземными делами.

Ромей говорил на довольно приличном местном диалекте, причем все время кланялся, и его примеру следовали остальные. Посол Феодор Эратик повел сперва речь о большой радости, в какой пребывает его держава, оттого что у них с великой Русью ныне установлен мир. Ну, какой у них мир, Ольга

и без того знала. Но молчала, улыбалась милостиво, оглядывая присланные из Византии подношения. В одном из поставленных перед ней ларей лежали богатые, расшитые золотыми цветами ткани, в другом – серебряные и позолоченные сосуды византийской работы, а третий ларец предназначался лично Ольге: небольшой, с вделанным в крышку гладким зеркалом, с ароматными притираниями и румянами, столь ценимыми женщинами.

– Этим даром император Роман желает показать тебе, архонтесса, как он чтит и уважает тебя, истинную правительницу Руси, – угодливо улыбнулся Феодор Эратик.

– Истинный правитель Руси – мой муж, князь Игорь Рюрикович, – ответила Ольга. – И только его отсутствие принуждает меня выслушать вас и узнать, что за нужда заставила византийских послов покинуть пределы своего царства и ехать на Русь по весеннему бездорожью.

Гости переглянулись. С дороги они утомились и, возможно, жалели, что их сразу представили княгине, не дав времени как следует привести себя в порядок и не оказав почета, на который могли рассчитывать посланцы могущественной Византии. Но что поделаешь – к варварам ехали. Их карьера – более того, жизнь – зависела от того, насколько хорошо выполнят они щекотливое поручение своего правителя. Потому и спешили в Киев, предупрежденные, что княгиня сама правит, а Игорь-князь в разъездах. С Игорем, озлобленным своим прошлым поражением от Византии, им было бы трудно столковаться. Зато с княгиней... Послам донесли, что Ольга мудра и милостива к Византии, что ранее отговаривала мужа ходить войной на Царьград. Однако сейчас у них складывалось впечатление, что эта женщина не так и благоговеет перед величием Византии: приняла без надлежащего почета, сидит за вышиванием, будто недосуг ей с посланцами разговаривать.

Простуженный посол выступил вперед и, быстренько утерев пальцами нос, стал пояснять цель визита, отметив, что она столь важна и секретна, что у себя на родине он даже удостоился чести иметь беседу с самим богоданным императором Романом Лакапином и тот лично давал ему указания. А состоят они...

Ольга слушала, не переставая работать иглой. Перед ней на белом растянутом полотне вырастал завиток листа, но ни одно слово не ускользало от ее внимания. Итак, император ромеев Роман Лакапин серьезно болен, а его лекари

разводят руками, не в силах ничем помочь. Однако в Царьграде нашлись люди, поведавшие базилевсу о величайшем чуде русов – живой и мертвой воде, которая продлевает жизнь, дает силу, здоровье и молодость. Потому-то базилевс и отрядил тайное посольство в Киев, дабы добыли ему сией воды. А император Роман, утверждали посланцы, сейчас как никогда нужен Византии. Это разумный и деятельный государственный муж, который сумел уберечь страну от анархии, оградить ее рубежи от набегов диких угров[46 - Угры – полукочевые племена, которые со временем осядут в Европе и станут предками будущих венгров.], заключив с ними мир, смог выстоять и против болгар, и против агрян коварных.

«О походе моего супруга они благоразумно умалчивают», – отметила Ольга, откладывая вышивание и поворачиваясь к ромеям.

– Нам ведомо об удачах Романа Лакапина, благородный спафарий, – произнесла она неожиданно на греческом языке, причем так складно, что только полянский выговор выдавал, что эта одетая по византийской моде красивая женщина не соотечественница послов. – Однако вы не упомянули, что сей мудрый правитель не так и прост: он добился власти, устранив от трона законного наследника и подавив волнения недовольных его возвышением. К тому же у нас, в варварской Руси, ведают, что его собственные сыновья, Стефан и Константин, хотят лишиться родителя власти и занять престол.

При ее речах гости быстро переглянулись. Легкое недоумение во взглядах – и они тут же взяли себя в руки. Вперед выступил военный посол. Рывком поклонившись и перебросив через плечо полу своей накидки, он сказал:

– Это наши внутренние проблемы, госпожа, и не за тем, чтобы обсуждать их, прислал нас сюда божественный базилевс Роман. Наше дело торговать у тебя чародейскую воду, и ты не пожалеешь, что оказала ему подобную услугу. Клянусь в том верой!

И он ударил себя кулаком в грудь.

– Да ну? – мягко рассмеялась Ольга. – При вашем божественном императоре нарушаются условия мирного договора с русами, так отчего мы должны желать ему здоровья и долгих лет жизни? И разве не победил он коварным греческим огнем мужа моего Игоря, когда тот хотел с оружием в руках восстановить

попранный вами договор?

Ольга уже поняла, что разговор будет долгим. Поэтому она и спросила их: разве в почитающей Христа Византии не считается грехом связываться с чародейской живой водой? Разве не грозят их церковники покарать и отлучить от Церкви тех, кто захочет прибегнуть к помощи заговоренной язычниками– волхвами воды?

– Все мы под Богом ходим, госпожа, – закивал сидящей головой спафарий, вновь шмыгнул носом, даже крестное знамение сотворил. – Однако добрые дела, которые под силу Роману, перевесят чашу греха за связь с чародейством. Сам патриарх будет молить Небо простить сей грех базилевсу, только бы тот смог и далее править нашей державой. Мы же, в свою очередь, не поскупимся, одарим тебя богато за воду, а главное, станем и впредь поддерживать мир и дружбу с русами, коим базилевс будет обязан жизнью.

– Ну что ж, мир с Византией нам надобен, как и торги и союзные отношения. Однако что вы скажете о чинимых нашим купцам обидах? О нарушении договора, заключенного еще при князе Олеге? Разве могут быть добрыми отношения между Русью и Византией, если вы нарушаете то, в чем сами же и клялись? И вы наверняка знаете, что Игорь Русский вновь собирает войско, дабы поквитаться как за нарушение договора, так и за прошлое свое поражение? Так отчего же нам помогать Роману Лакапину, ежели грядет новая война?

– Император Роман, – вновь выступил вперед военный, – понимает, что сейчас может произойти многое, неприятное для его державы. Но он иное тебе предлагает, архонтесса. Он предлагает богатые дары и подношения, много золота и любые договора, если ты поможешь ему вылечиться. А война... То наше, мужей военных, дело. Нам и решать.

Ольга снова негромко рассмеялась.

– А теперь выслушайте, что скажу вам, посланники. Война и впрямь мужское дело, но я, как женщина и правительница, хочу избежать кровопролития. И для этого мне надо, чтобы был исправлен договор, более того, чтобы в него внесли поправки, кои приведут к миру между Русью и Византией. Тогда и войны может не случиться, ибо муж мой поймет, что Византия готова пойти на уступки и новый договор. А примете мое условие – добудете то, за чем прибыли. Дам я

вам воду чародейскую, которая исцелит хвораго базилевса.

Посланцы опять переглянулись.

– Не уполномочены мы о том говорить, пресветлая архонтесса.

– Ваше дело. Но без нового договора между Царьградом и Русью я не пойду вам навстречу и правитель ваш будет обречен. И не говорите мне о цене за воду, какую уполномочил вас обсудить со мной Роман Лакапин. Мы-то можем взять с вас плату, и немалую, но ни вам, ни мне нежелательно, чтобы Игорь повел войска на Царьград да вновь земля пропиталась кровью и наших витязей, и ваших воинов. А ведь плата за воду пойдет не иначе как на сбор войска на Руси. Выгодно ли вам это? Выгодно ли пережить новое нашествие русов? И выгодно ли лично вам, – тут она сделала ударение на последних словах, и взгляд ее стал как никогда суровым, – выгодно ли будет лично вам вернуться с вестью, что император обречен, поскольку воды живой вы ему не добыли.

Византийцы замялись.

– Мы не можем говорить о договоре, – начал, шмыгая носом, словно всхлипывая, спафарий, – не можем, когда пункты его уже забыты нами.

– Зато не забыты на Руси. Ваши писцы выводили их на бумаге, ставя печати и подписи, наши же волхвы заучили их наизусть, поклявшись своими богами исполнять их. И если я призову волхвов, мы сможем обсудить каждый пункт соглашения, даже внести нужные поправки. И вот, когда договор будет составлен и вы возьметесь представить его пред очи Романа Лакапина, я вызову своих кудесников и повелю добыть воду. Вы же доставите и воду, и договор своему базилевсу, и, как только он согласится его подписать, над водой будет произнесено заветное слово. Вода приобретет вещую силу, базилевс исцелится, а новая война и кровопролитие будут приостановлены. Разве не любо вам это?

Они вынуждены были согласиться. И, не давая послам времени опомниться, Ольга тут же позвала волхвов, велела напомнить условия старого договора, а один из послов сразу же стал записывать их греческими литерами на листе тонкого пергамента. Когда же все было занесено, стали обсуждать, что еще следует уточнить, дабы ни грекам, ни русам обиды не было. Конечно, Ольга понимала, что это только основные положения, что со временем ее муж и его

советники внесут еще кое-какие поправки. Да только главное все же именно теперь намечалось. А там...

Их беседа затянулась до позднего вечера. Говорили негромко, поставив у дверей стражу, чтобы никто не потревожил. Наконец, когда почти все было обговорено и свиток с посланием уложили в суму посланцев, спафарий все же осмелился заметить:

– А где гарантия того, что Игорь не пойдет на нас войной, если в Царьграде будут согласны на новый договор?

– А вот нет этой гарантии, – усмехнулась княгиня. – Я с вами нынче без князя дело решаю, да и не в моей власти отговорить его от похода. Но если вы примете мои условия... Если ваш базилевс их примет и пообещает дань не меньшую, а то и большую, чем при Олеге нам давали, то мой Игорь, как разумный государственный муж, приостановит поход. В том я готова поклясться нашими богами.

Уже смеркалось, когда послы покинули княгиню и пошли за тиуном, которому вменялось в обязанность расположить гостей на постой. Ольга же осталась в палате, ходила из угла в угол, довольно потирая руки. В том, что дело у нее сладится, не сомневалась. За живую и мертвую воду она все что угодно могла потребовать. Да и не перегнула она нигде. Роман Лакапин согласится. За жизнь человек на что хочешь пойдет, а когда этот человек еще и на вершине власти, тем более, ибо он как никто другой ценит то, чем владеет. Ольга сама таковой была, могла понять. Да и не захочет базилевс, едва оправившись от болезни и ощутив новый прилив жизненных сил, сразу выезжать на сечу. Он не так давно отделался от других разбойников, да и с делами при собственном дворе захочет разобраться, тех же сынков, рвущихся к его престолу, приструнить. Одно плохо: то, что задумала Ольга, шло вразрез с планами самого Игоря, желавшего в бою добыть славу. Ну да в этом Ольга с милым мужем никогда не была едина. Ему хотелось воевать да кровь лить, ей же были дороже мир на Руси и люди, которых хотелось уберечь от войны и направить их силы на иное, созидательное. И пусть давно считалось, что княжить – это без конца воевать, у Ольги на то были свои взгляды.

Довольная и усталая, она спустилась в трапезную, села во главе общего стола, приветливо кивнула собравшимся. Люди переговаривались, дескать, давно они не видели свою княгиню такой веселой, удовлетворенной, отзывчивой на шутку

или заздравный тост. Да только не успела княгиня и с перепелкой в ягодном соусе управиться, как ей донесли, что у ворот трубят в рог посланец от ее мужа, Игоря.

От князя прибыл воевода Асмунд. Он дожидался княгиню в небольшой горенке, сидел на застеленной овчинами скамье, упершись затылком о бревенчатую стену и держа на коленях свой островерхий шлем. Рядом с ним на приступке горел чеканный бронзовый светильник, пламя его неровным светом освещало пластины нагрудного панциря воеводы, запыленные сапоги хазарского пошива – высокие, с желтыми отворотами и загнутыми кверху носами.

– Здрава будь, княгиня пресветлая, – поднялся навстречу княгине Асмунд.

– Гой еси, воевода...

Ольга с улыбкой протянула воеводе руку, разглядывая посланца мужа. Был Асмунд такой же, как всегда, – худой, жилистый, сутуловатый. Высокий упрямый лоб, темно- русые волосы на прямой пробор, твердый щетинистый подбородок, длинные вислые усы.

– Весть у меня к тебе, государыня, – начал уже немолодой воин. – Велено передать, что князь на подступах к Киеву, однако задержался на ловах, там, где река Тетерев в Днепр впадает. Сейчас ведь время перелетных птиц, вот князь и устроил ловы, да и рыбной ловлей увлекся, однако не утех ради, а чтобы запастись едой для воинства, ибо собрал князь для похода рать немалую.

«Собрал-таки воинство, – подумала Ольга. – Все не дает ему покоя удача Олега Вещего, все рвется покрыть себя славой победителя Царьграда. Потому и не стоит ему знать, что я за его спиной с Царьградом все уладила. Да и послов следует выдворить, пока не дознался муж, за чем те приезжали».

– Так сколько времени у меня до приезда князя? – спросила княгиня, прикидывая в уме, сумеет ли с послами византийскими все решить да отправить восвояси.

– Думаю, через седмицу прибудет. Так, разомнется немного по весне, потешит душеньку. Войска же его уже на подходе к Киеву, и тебе решать, где их разместить, кого в Витичев услать, а кого и в окрестностях стольного града

на постой поставить.

Княгиня задумчиво глядела на огонек на носике светильника.

– Я-то справлюсь, не впервой, чай, однако странным мне кажется, что Игорь, собрав войско, вдруг отвлекся на ловы, на рыбалку. Разве княжеское это дело? Что это ему, как юнцу ретивому, вдруг позарез понадобилось забавляться, когда дело его такое ждет?

Асмунд опустил глаза, поглаживал пальцами маковку островерхого шлема. Ну как ей скажешь? Не поведает ведь, что Игорь совсем ошалел от любви к чародейке- полюбовнице, что тешится с ней при каждом удобном случае, что все эти ловы и стрельбища, которые он якобы для пополнения провианта устраивает, все больше задуманы, чтобы свою Малфриду потешить. Ну и – тут Асмунд не сомневался – мешкает Игорь, опасаясь, что весть о полюбовнице дойдет до княгини и не обрадует ее, ссору может вызвать. А Игорю перед походом никак не с руки с женой-правительницей отношения портить, ведь именно она тут остается, ей править, пока он воинскую удачу в дальних краях искать будет. Но говорить о том Ольге Асмунд не решался, вот и мямлил что-то: дескать, князь ныне все охотой занят, людей кормить надо, не хочет князь, чтобы воинство его садилось на шею столичному люду, было обузой Киеву, вот и желает добыть дружине пропитание.

Ольга только плечом повела. Что ж, может, так и лучше. А она пока успеет с послами из Византии дела уладить. С Асмундом же о другом заговорила. Все ли предусмотрел Игорь перед походом? Ведь известно, что не все его князья- посадники преданы верховному правителю Руси. Тот же мальчишка варяг Рогволод, кому Полоцк доверили, больно много воли взял. Да и в Турове князь Тур с выплатой дани не очень-то спешит. Не говоря уже о чрезмерном властолюбии родича Володислава Псковского, который сам княжью шапку пожелает примерить, как только Игорь в дальние пределы отправится.

Для Асмунда речи княгини были привычны. Воевода понимал и опасения княгини, и то, что князь желал взять свое за неудачу прошлого похода. Потому и поведал княгине Ольге, что Игорь набрал войска без числа, и отважные варяги к нему прибыли из далекого Севера, и мерянские отряды есть, и чудины, а также множество воев словенских, которые охотно пошли под руку князя, горя желанием прославиться в дальнем походе. Игорь надеется еще в самом Киеве силы почерпнуть. Что же до Володислава, то князь его самого чуть в поход

не уломал идти, а когда тот заартачился да сестра Игоря Предслава в ноги брату бухнулась, умоляя оставить при ней мужа, Игорь почти все воинство коварного родича сманил идти за славой и золотом. Так что Володислав только с ополчением да с ратью преданных Игорю варягов остался. И когда Асмунд заметил, что Ольгу повеселило и успокоило это известие, он наконец передал еще одно повеление Игоря: чтобы к его прибытию княгиня собрала в путь-дорогу печенежского царевича Курю, ибо замыслил князь такое, чего ранее не бывало: хочет вернуть Курю его отцу Темекею, но с условием, что печенеги присоединятся к походу на ромеев.

– С печенегами он в поход собирается? – всплеснула руками Ольга. – С этими обманщиками? Да они ни один договор толком не соблюдают. И только то их удерживает от набегов на Русь, что Куря, сын Темекея от любимой жены, у нас в заложниках.

– Ну, Темекей не единственный из ханов, кто кочует по степям Приднепровья, – заметил Асмунд, pokruchивая длинный ус. – А вот если Темекей и другие ханы увидят, как холят и лелеют маленького Курю в Киеве, может, удастся и сговориться насчет общего похода. Печенегам ведь все равно, кого грабить, в том вся их натура подлая, ну, а тут им предлагают идти на сам Царьград, да еще вместе со столь мощным войском. Ты подумай, Ольга, разве откажутся они от возможности такого богатого улова? Нет, пусть распадется мой щит, если Игорю не дан хороший совет насчет печенегов. Да и предсказания были добрые насчет похода, великое богатство обещано. И в Перыне волхвы предсказывали, и Малфрида предрекла, а она редко когда ошибается.

– погоди! – резко прервала воеводу княгиня, быстро поднялась, задышала часто. – Что ты только что сказал, Асмунд мой верный? О какой это Малфриде упомянул?

Воевода замолк на полуслове. Потом понуро опустил голову, разглядывая чеканный ободок своего шлема, долго глядел, словно, кроме узоров на нем, ничего более важного для Асмунда не существовало.

– Ладно уж, – сказал наконец. – Не от меня, так от других дознаешься. Ибо Игорь твой вновь сошелся с чародейкой Малфридой, по которой в прошлое лето сох.

После этих слов наступила тишина, лишь потрескивало масло в светильнике да где-то во дворе бухало в кузне.

Асмунд исподлобья взглянул на княгиню. Ольга выглядела спокойной, только взгляд ее застыл, устремившись то ли куда-то в пространство, то ли в глубь себя. Что ж, Асмунду было известно, что она и раньше места себе не находила, когда узнала, что Игорь завел себе любовницу-ведунью и не расстанется с ней ни на миг. Конечно, бывали у Игоря женщины в походах и в разъездах, однако всей Руси ведомо, что только Ольга его княгиня и госпожа в Киеве. С появлением же Малфриды... Ну, да что там говорить. А сказать было надобно.

– Ты вот что, Ольга, послушай меня старого. Малфрида эта не представляет опасности твоему княжескому положению. Да и вообще она странная. Дары от Игоря принимает словно бы нехотя, особенно не выделяется, все больше в стороне держится да наблюдает. Вот только... Пойми, княгиня, мила она Игорю. Ты жена его, а она... Рано или поздно она надоест ему, как другие надоедали. Пока же она вреда князю не делает, наоборот – помогает. Где советом, а где и чем иным. Говорю же тебе – чародейка она. Есть в ней нечто необычное, что и пугает, и привлекает людей.

– Что, уже и советы она князю дает? – уловила Ольга то, что больше всего ее заинтересовало. – А Игорь как? Слушает?

«Еще как», – подумал воевода. Но этого гордой Ольге знать было не нужно. И Асмунд замаялся. Ольгу он уважал, даже любил, да только если она такая разумная, как считается, должна понять. Малфрида эта сейчас вроде позвизда[47 - Позвизд – ветер перемен.] в судьбе князя, обещающего перемены к лучшему, сулящего удачу.

Воевода старался втолковать это Ольге как можно мягче, жалея ее и одновременно не понимая. Ведь сколько годочков они с Игорем вместе, так что ж с того, что он ладу себе завел? Вот если бы он сватов к чародейке засылал, захотел, чтобы она его в брачную ночь разула по обряду... так нет же. Малфрид а о том и слышать не желает.

Ольга медленно поднялась.

– А что, и о сватах уже были разговоры? Добро. Одно лишь меня удивляет: если и ты, и другие видят, что князь прикипел к чародейке, отчего же никто не поймет, что она его просто приворожила?

«Но вреда в том нет Игорю!» – хотелось ответить Асмунду, но он прикусил язык. Этих слов княгиня ему никогда не простила бы.

И все же он не хотел обманывать почитаемую им княгиню.

Поглядел ей прямо в глаза.

– Насчет ворожбы – в том не воины, в том волхвы больше разбираются. Вот и расспрашивай своих советников-ведунов о Малфриде. Меня же иное волнует: чтобы ты, Оль га, не превысила своей власти, забыв, что прежде всего ты жена нашего князя, да в гордыне своей не стала перечить мужу. Ибо – предупреждаю – он не простит тебе нападок на Малфриду.

Ольге казалось, что в груди разрастается и давит огромный холодный ком. Она уже не помнила, что еще недавно и не замечала отсутствия мужа, тайком подумывала о красивом варяге Свенельде, что занятая хлопотами и делами порой вообще забывала, что она мужняя жена. Сейчас же ее полностью полонило чувство унижения и ревности. Ведь не она, а та, другая, была подле Игоря, обнимала его в часы ночные, давала советы, к которым тот прислушивался, вдохновляла на ратные дела и подвиги. И Ольга видела в том опасность для себя... для своей власти.

– Ладно, – наконец молвила княгиня. – Пусть муж мой не спешит в Киев да тешится на ловах с полюбовницей. Весна-то какая, вот и дурманит ему голову Лель, да и Уд[48 - Лель – божество радостных, легких утех; Уд – божество сладострастия.] заставляет не о делах думать. Однако передай: если князь хочет, чтобы между нами по-прежнему лад был, если надеется на меня Русь оставить – пусть сделает все возможное, чтобы мы с этой ведьмой не встретились. Таково мое последнее слово, и я не отступлюсь!

– Ты будешь скучать по мне? – спросил Игорь, когда к кораблю уже причалил челн и князь должен был спуститься. И все же он помедлил, поймал руку лады своей, взгляделся в ее розовеющее в свете факелов лицо.

Малфрида, казалось, не расслышала его вопроса. Из-под длинной светлой челки она глядела черными мерцающими глазами туда, где в сумерках на берегу виднелись огни Киева: мать честная, сколько же их! Сколько люда живет тут!

– Дивная моя, – повторил князь.

– А? Что? Да-да, конечно буду.

Он отплывал, оглядываясь на нее, словно стольный Киев его и не манил, словно самое главное оставлял тут, на ладье, которой предстояло плыть дальше, к крепости Витичев, где должны были собраться все, кто намеревался плыть с князем в великий поход.

К Малфриде подошел беловолосый ярл Ивор, один из ближайших сподвижников князя. Накидывая на плечи чародейки широкий мягкий плащ, спросил:

– Ты как? Не осерчала, что князь тебя с собой не позвал?

– Нет, – спокойно ответила она.

Ивор улыбнулся в светлые усы. Хорошая все же девка Малфрида, все понимает и не пеняет князю, что не повез ее туда, где ожидала мужа пресветлая княгиня. Однако Малфрида сейчас не о том думала. Может, понимала, что князю нужно с женой повидаться, а может, просто рада была передохнуть без внимания Игоря, без его сильных объятий, которые, хотя и манили ее, но лишали ведовской силы. А ощутить себя сильной Малфриде ох как хотелось.

Но вообще-то ей нравилась ее жизнь при князе, нравились почет и забота, какими она была окружена. Вот только... Простой смертный этого не поймет, но ей так хотелось вернуть хоть частицу чародейства! Желание бродило в душе давно, но рядом все время был Игорь, обнимал ласковыми руками, упоительно целовал, пока она не начинала сходить с ума. И тогда они сливались в одно целое, перекатывались на постели, на траве, даже на досках отдельно стоящей

ладьи, забывая про все, купаясь в поту и семени, задыхаясь от доводящей до криков сладкой неги... Потом Игорь вновь вспоминал о своих обязанностях правителя, а на Малфриду находила тоска... И хотя чувствовала себя обессиленно удовлетворенной, но вместе с тем и слабой. Такой слабой... А ведь могла бы стать уже сильной.

Она начала понимать это в те редкие моменты, когда князь уезжал по делам, а она успевала немного поколдовать. Сперва, правда, она опасалась опять привлечь к себе ту темную страшную силу, которая одно время преследовала ее, стоило только заняться ведовством. Что это было, Малфрида так и не смогла разгадать, но одно усвоила: есть нечто недоброе, что ищет ее и хочет подчинить. И в этом «нечто» не было ничего человеческого, ничего живого, а было ощущение, словно ее затягивало в воронку иного мира, где никогда не будет ни людей, ни тепла. Однако шло время, и Малфрида стала замечать, что страшный преследователь исчез. Как и куда, она не знала, но уже догадывалась, что однажды вновь сможет стать прежней Малфридой, чародейкой, которой многое под силу. Вот если бы только не Игорь, не его страстная любовь к ней и не ее непреодолимая тяга к нему, к его сильному телу...

И Малфрида вынуждена была оставаться простой женщиной. Простой, да не совсем. Ибо отныне ее холили и берегли, к ее словам прислушивались, с ее мнением считались. К тому же в ее жизни было так много интересного! Поездки, новые места, новые люди, встречи, впечатления. И ощущение защиты. Какая баба не мечтает о том! Малфриду не волновало, что кто-то косится на нее, смотрит предосудительно, кто-то завидует, а то и побаивается, не доверяет. Ах, эти страстишки, буруевающие простых смертных! Малфрида не была обычной смертной. Может, потому так спокойно и приняла отбытие Игоря в Киев, к княгине Ольге. Ведьму даже позабавил виноватый вид Игоря перед отъездом. Но едва он отбыл, тут же перестала думать о нем. Поплыла рекой дальше в компании веселых корабельщиков и охраны, смеялась их нехитрым шуткам, слушала рассказы о холмах Киева, Горе и Подоле, о заливных землях Оболони, где стояло капище бога Велеса, покровителя дорог, а вокруг изваяния божества горели шесть неугасимых костров.

К утру ладья подплыла к Витичеву.

– Тут мы будем дожидаться князя, – пояснил Малфриде Ивор, в обязанности которого входило опекать чародейку в отсутствие князя.

Она чуть улыбнулась светлоусому ярлу. У нее с этим варягом сложились вполне приятельские отношения, порой болтали с ним о всякой всячине, обменивались дерзкими шутками, смеялись. Ивору нравилась ее колючесть, умение радоваться любой чепухе, заразительно хохотать. Он даже начинал понимать, чем так пленила князя эта странная девка. Было в ней что-то такое... Думать о том было нельзя. Как-никак она лада его князя, служить которому Ивор клялся над каленым булатом меча.

В Витичеве Малфриде понравилось. Крепость на возвышении, необычайной высоты дозорная вышка над частоколами, посадки ремесленных слобод до самой реки спускаются, в речной гавани стругов полно, как зерен в спелом колосе. И так приятно глядеть на мощные корабли с осмоленными бортами, блестящими на солнце, на высоко вскинутые на штевнях змеиные и звериные головы. А вокруг толчея, оживление, голоса, гомон! Игорь все еще улаживал дела в Киеве, но Малфрида почти и не вспоминала о князе. То с утречка отправлялась на рыбалку с Ивором, то ходила смотреть, как люд почитает богов на капище. А то просто целый день сидела у себя в горенке, так что могло показаться: бездельем девка мается, она же, замирая, вслушивалась в себя, ощущая, как будто легкими иголочками покалывает в спине и ладонях, чуяла, как возвращается былая сила... И почти страшилась, что князь, покончив с делами, вернется, до того как она насладится приливом настоящей мощи. А испробовать себя так хотелось... И, когда рядом никого не было, Малфрида перевешивала взглядом тяжелые щиты на стенах, прищелкиванием пальцев зажигала свечи без кресала и трута. Смеялась, довольная, но тут же торопливо озиралась. Не видит ли кто? Понимала, что ее чародейство здесь мало кого обрадует. Простые смертные не любили ведьм.

Как-то поздним вечером Малфрида сидела у окошка, переплетая косы. В небе плыл ясный молодой месяц, ночь выдалась звездная, отчего Днепр внизу отсвечивал красиво и таинственно. Был как раз Ярилин праздник[49 - Ярилин день - 5 июня - день ухода весны и прихода лета. Ярила - бог плодородной силы у славян.], когда в народе отмечают уход весны и начало лета. В такое время люди едят медовые сласти, жарят яичницу, много пьют хмельного пива, стараясь опорожнить бочонки прошлого урожая. И поют. Вот и теперь Малфрида слышала долетающие из людской песни, славящие Ярилу. Весело пели, слаженно, многоголосо... И вдруг за этим пением она различила... Кто-то другой не заметил бы, но ведьма уже поняла, что не только люди оживлены в светлый Ярилин праздник.

Быстро отбросив за спину косу, чародейка поспешила из терема. Страж-охранник следом хотел идти, но она прикрикнула на него: мол, разве я пленница тут? Охранник только залепетал: дескать, здесь женщины без сопровождающих не выходят, особенно теперь, когда войска собрались в Витичеве.

Да и подвыпивших много, могут и обидеть одинокую девку. Однако Малфрида слушать его не стала, резко оттолкнула и кинулась по сходням – только забренчали гроздья стеклянных бус, которые она не успела снять перед сном. Внизу распахнула тяжелую калитку и скользнула между деревянными частоколами.

Ночь манила своей прохладой, шорохами, идущей от реки сыростью. И еще чем-то. Малфрида чувствовала это, почти узнавала. Ее черные, видящие во мраке глаза шарили по округе, примечая во тьме проходы между строениями.

Она почти бежала, устремляясь вперед, только гравий шуршал под ногами в мягких поршнях[50 - Поршни – мягкая обувь из цельного куска кожи, на ноге крепилась ремешками или тесемками.] да плескался по коленям подол длинной рубахи. Сзади, правда, тяжело топал кинувшийся вдогонку охранник, но вскоре его шаги затихли. Малфрида же просто летела, ощущая давно забытое единение с ночью, с природой, с тем таинственным и мало кому ведомым, что она угадывала и узнавала.

Витичевские стражи-воротники не препятствовали ей выйти за частокол. Ведь в Ярилин праздник многие уходят на ночь из душных изб, пируют до зари на открытых полянах, у пашен, пьют без меры ячменное пиво, проливая положенное на землю, в дар Яриле. И обычно до утра не возвращаются, дабы омыть лицо ночной росой, которая в эту ночь обладает благодатной целебной силой. Потому мелькающая в темноте женская фигурка никого и не заинтересовала. Правда, окликали ее пару раз, зазывали к кострам, но Малфрида светлой тенью проскальзывала мимо, пока не миновала ряды пристаней с ладьями и челноками, не спустилась к самой воде, у которой шуршал на ветру молодой камыш. Все дальше удалялась она по берегу, пока шум города не стих позади. Тут Малфрида впервые замедлила шаги, огляделась, все еще тяжело дыша. Да, она не ошиблась. В воздухе веяло чем-то нечеловечьим, словно сквозняком легким тянуло.

Видели ли это обычные смертные, но Малфрида отчетливо разглядела: сидит на выступающем из воды камне омутный хозяин, борода длинная в реку уходит. А вокруг русалки собрались, украшают длинные волосы кувшинками, переговариваются, смеются негромко. Не одни водяные духи тут собрались,

на берегу столпились и странные мохнатые существа. Не умея Малфрида так хорошо видеть во мраке, приняла бы их за болотные кочки, но она сразу определила, что это зеленые маленькие человечки, так называемые луговые и полевые[51 - Луговые и полевые – духи лугов и полей, заросшие травой существа, хранящие плодородие земель.]. И сошлись они тут потому, что праздник сегодня, иначе когда бы еще этих жителей вод и открытых земляных пространств вместе встретить можно было бы?

Малфрида стала тихо приближаться к ним. Но, земная и теплокровная, она не обладала легкостью духов, вот под ногой ее и треснул сухой камыш, зашелестела трава. И существа сразу заметили ее, засуетились. Русалки даже манить начали, как только одни они умеют, когда человек идет на их зов, потеряв силу и разум. Однако Малфрида не зря жила прежде среди таких же вот духов, ее так просто было не пронять. Наоборот, соприкоснувшись с их мало кому доступным миром, она ощутила удвоенную мощь, даже черные очи под ровной светлой челкой блеснули желтоватым светом.

Духи это тотчас заприметили.

– Ведьма, ведьма!

Омутный даже в воду соскользнул со своего камня, русалки стали отплывать, и только когда Малфрида засмеялась звонким живым смехом, они замедлили бегство, поняв, что чародейка не со злом пришла. Ринувшиеся было в сторону луговые вновь стали сходитьсь, с любопытством поглядывая на нее снизу вверх из-под спадающих на маленькие глазки зеленых травяных прядей.

– Кто такая? Мы тут всех знаем, однако тебя не видывали раньше.

– А я не здешняя. Я в лесах жила, когда в древлянских, когда на полночи, где ели вершинами серое небо подпирают. А вот вы мне ответьте: отчего тут собрались, почти подле людей?

Ее голос звучал гораздо громче, чем у них, да и статью она выделялась среди низеньких полевых, луговых и казавшихся прозрачными в лунном свете русалок. Омутный, и тот смотрелся рядом с чародейкой каким-то корявым старым дедом, мокрым и голым. Но то, что она их притягивала, – несомненно. Нежить всегда тянет к тем, в ком течет горячая людская кровь.

Малфриду обступили, старались прикоснуться к ней. На ее вопрос ответили, что, мол, ночь нынче такая, когда люд под звездное небо выходит, а не таится в домах, где огонь сварожич[52 - Сварожич – разведенный людьми огонь, который является порождением боже ства огня – Сварога.] не подпускает близко природных духов. Вот они и решили: может, кто из смертных на их тайный зов попадется? И тогда русалки заманили бы его к омутному под воду, полевые в траву повалили бы, а луговые оплели травами – не вырваться.

– Что-то, погляжу, вы на людей сердиты, – заметила ведьма, уютно располагаясь на земле рядом с ними. Один луговой к ней даже на колени забрался, заурчал довольно, когда Малфрида стала перебирать его травяную поросль на спинке. – Али люди вам подношений мало сделали на Ярилин день, али позабыли о вас?

Да нет, отвечали, все было как полагается. Ну, почти все. Ибо люди нынче все больше о походе говорят, а о земле и воде мало помышляют. Мелкому же природному люду от того обидно.

– Да будет вам, – отмахнулась Малфрида. – Люди на то и люди, чтобы о своих делах радовать, а не о ваших нуждах. Что, небось думали, погубите кого из смертных, и они вновь вспомнят о вас? Не выйдет. Сейчас, когда князь с дружиной на войну собирается и столько кораблей готово к отплытию, неужто смерть какого-нибудь неосторожного смерда или заблудившегося ребенка кого беспокоит? Нет, до этого дела никому не будет.

– Зато ты о людях заботишься, ну, словно Жива[53 - Жива – богиня всего сущего у людей, богиня здоровья и сил.] ласковая, – угрюмо заметил омутный. – Если ты ведьма, отчего так любишь их?

– Среди них обитаю, зла от них не видела, вот и забочусь, – беспечно улыбаясь и радуясь вновь обретенной связи с миром духов, ответила Малфрида. Даже откинулась на траву, позволив русалкам подползти ближе и играть ее косами, разглядывать желтые и зеленые бусины ожерелья.

– Раз ты чародейка, то люди долго к тебе добры не будут, – сказал один из полевых и захрюкал утробно – засмеялся. – Ты к ним с добром, а они рано или поздно захотят тебя осиновым колом проткнуть, а то и пламенем болезненным опалить. Иначе с ведьмами люди не поступают. Зато, если оставишь глупых смертных да к нам подашься, – минет тебя лихо.

В словах полевого была своя правда. Но Малфриде думать о том сейчас не хотелось. Да и чего ей опасаться, если она под защитой самого князя? И как вспомнила про Игоря, поняла, что нужно сделать.

– О моей Доле или Недоле[54 - Доля – добрая людская судьба; Недоля – злая.] – не вам гадать. Лучше слушайте, что велю.

Она села, окинув их мерцающим взглядом желтых глаз с узкими и черными, как у хищной птицы, зрачками.

– Вскорости многочисленные ладьи пойдут на полдень. И я буду на одной из них. Так уж сложилось. А как мне рассказывали, на Днепре пороги опасные имеются, там нередко корабли гинут. Вот вы, русалки, и помогите нам, поднимите воду, пусть корабли пройдут пороги безопасно.

– А отчего это мы должны тебя слушаться, ведьма? – запальчиво спросила одна из русалок, подбоченясь. – Ты-то силой обладаешь, однако не для себя просишь. Так почему нам помогать людям по водам Днепра плыть?

– Потому, что я вам наказала. А не послушаетесь – велю весь здешний берег солью посыпать или того хуже – омут ваш завалить глиной. Любо вам это будет?

И засмеялась, видя, как на их бледных лицах отразился страх, как они застрекотали, замахали руками, а омутный даже захохал, хватаясь за голову. Но первый же и опомнился, спросил, шипя от люти:

– Да кто ты такая, чтобы такое повелеть?

– Я? Возлюбленная князя Игоря.

Они словно и дышать перестали. Знали, что ведьма не посмеет им солгать, да и видели, что в себе уверена. Что же касается Игоря... Наслышаны были о нем: духи, живущие близ людей, любили подслушать, о чем те судачат, и знали об их делах.

Но тут вмешался омутный:

– Если ты женщина князя... Неужто ты и есть княгиня Ольга?

Малфрида так захохотала, что даже испугнула дремавшую среди камыша водяную птицу, и та взлетела прочь, пронзительно гогоча и хлюпая по воде крыльями. Малфрида все смеялась, но было что-то невеселое в ее смехе. Не то чтобы обиделась – какая-то досада зародилась, оттого что, несмотря на всю любовь князя, даже нежити связывали с его именем княгиню Ольгу.

– Нет, я лада его, а не жена, – наконец пояснила Малфрида. – И при князе мне легко и вольготно живется. Вот и хочу ему помочь. Хочу, чтоб удача ему сопутствовала, чтобы люди в него поверили. Потому и надо, чтобы вода легко его ладьи несла. А потом...

Теперь она смотрела на столпившихся рядом луговых, одного мохнатого полевого даже за тонкую лапку поймала.

– Есть у меня повеление. Моему князю нужен сговор с печенегами степными. Где они кочуют, о том трудно узнать, вот вы и подсобите мне. Разузнаете по шелесту трав, где степняки у порогов ходят, и доложите о том, прежде чем они захотят русов пограбить. Я у первого порога ночью выйду на бережок и вас покличу. Ну а уж вы мне обо всем расскажете. Что, трудно? Сама понимаю, но знаю, что это вам под силу. А ежели не послушаетесь, траву велю жечь в степи.

Они забегали, запищали.

– Ой, ой, не вели траву жечь! В траве наша жизнь, наша сила. А печенеги...

– Печенеги – враги князя. Однако сейчас ему с ними надо замириться. Я сама ему это подсказала, да только мне объясняли, что печенеги сначала набегают, а уже потом думают. А от их наскока дружинники князя погибнуть могут. Где уж тогда миром дело решать! Потому вы и предупредите меня, а я укажу князю, где оборону так держать, чтобы и о союзе речь зашла.

В слабом свете месяца духи трав переглядывались, вращая мохнатыми головами. Даже русалки притихли, смотрели настороженно. Но чародейка повелела, и они вынуждены были слушаться. И хотя трудно было им понять, зачем ей все это, да и не радовало помогать людям, однако она ведьма, от нее

любого зла можно ждать.

Все же один из полевых прошептал тихонечко, словно смущаясь:

– А как же тебе ведьмой удалось остаться, коли ты лада князя?

– Да вот смогла, – вновь рассмеялась Малфрида, не утруждая себя пояснениями. Им о том знать не нужно. Знать то, что она ведьма в силе...

И Малфрида с каким-то безмерным удовольствием припугнула их, пустив светящийся огонь от растопыренных пальцев. Ишь, как отскочили! Нежить-то огня боится смертельно.

– Ну так что, поможете мне с печенегам?

– Тс-с-с! – вдруг поднял перепончатую лапу в предостерегающем жесте омутный. И тут же плюхнулся в воду. Вслед за ним и русалки ушли под волну, луговые растворились в траве, став земляными кочками, полевые укатились, словно ветер травой зашуршал.

Но Малфрида уже поняла, что их испугнуло. Где-то совсем близко слышалось поскуливание собаки. Тоненькое такое, испуганное. А потом и шаги раздались, звякнуло булатом. Да и как не звякнуть, если из-за камышей показался высокий светловолосый витязь, кольчуга его чуть позванивала при движении. Это был Ивор, который нес под мышкой скулящую вислоухую собачонку. Ищейками таких называют, след они вмиг берут. А скулила она оттого, что нежить учуяла.

Малфрида осталась сидеть на берегу, только к воде отвернулась, чтобы желтоватое сияние в глазах унялось. А когда повернулась – сидит себе на берегу обычная девица с длинными косами, белая рубаха колени обтягивает, поблескивают стеклянные бусины на груди.

Ивор остановился совсем рядом, спустил ищейку на землю, но та тут же прильнула к его сапогам, заскулила.

– Если бы я твой смех не расслышал, Малфрида, не отыскал бы.

Она молчала, размышляя, все ли обговорила с духами? Должны послушаться. А то, что недосказано... да почти ведь все успела.

Ивор между тем озирался по сторонам.

– Ну и местечко ты выбрала! Знаешь, как этот камень местные называют? Камнем омутного. Сюда редко кто забредает.

– А ты отчего пришел?

– Тебя искал. Вот и Мохнатку пришлось по следу пустить. Мне ведь князь велел тебя оберегать, а ты как шальная... Говорю же тебе – лихое это место. Даже пес мой сплховал, стал выть, хвост поджимать. Никак не мог заставить его дальше тебя искать. А потом услышал, как ты хохочешь... – И что?

Она поднялась, потянулась сладко, закинув руки за голову. Ивор внимательно глядел на нее. Речной ветер чуть шевелил его длинные белые волосы, светлые брови были сурово сдвинуты.

– Твой голос... У реки да в тишине звук далеко разносится. Он вдруг сжал ее локоть.

– С кем это ты о печенегах говорила? Я ведь расслышал.

Малфрида резко вырвала у него руку.

– А если с омутным? Кому еще тут быть?

– Да, кому?

Варяг внимательно огляделся. Все было тихо, только речная волна набегала на глинистый бережок, шуршал камыш.

– Вот что, Малфрида. – Ивор смотрел на нее без обычной приветливости. – С кем бы ты тут ни якшалась... Не твоего ума дело о предстоящем говорить. О печенегах в особенности.

Малфрида только вздохнула. В глубине души шевельнулась горькая мысль, что отныне между ней и отзывчивым витязем уже не будет прежнего доверия. Ей-то все равно... Почти все равно, ибо ей нравилось его доброе расположение. Ну, да он не князь, не ему решать.

Возвращаясь к Витичеву, они не перемолвились больше ни словом.

Корабли плавно и величаво шли по днепровскому пути. Вышитые квадратные паруса полоскались на ветру, слаженно поднимались и опускались ряды весел, раздавалось пение гребцов.

Кораблей было много, столько еще не доводилось видеть приднепровским жителям, выходявшим на берег провожать флотилию князя. Еще бы! Почти полторы сотни боевых кораблей с бортами, увешанными продолговатыми и круглыми щитами, везли боевую дружину князя Игоря – около четырех тысяч клинков. Следом шли грузовые насады, широкие и вместительные, одни везли коней, другие припасы, третьи шли порожними – для будущей добычи. А вдоль берега скакали верховые. И все знали, что Игорь поклялся расквитаться за неудачу прошлого похода и показать, на что способна Русь.

Впереди флотилии плыл «Легкий сокол» князя Игоря – большой корабль с белым парусом, на котором был выткан бьющий сокол рода Рюрика с заломленными острыми крыльями. Да и на высоком штевне виднелась искусно вырезанная голова хищной птицы, покрашенная красной краской. Сам князь стоял на носу, глядя на проплывавшие мимо берега, спускавшиеся к причалам у реки селища, на покачивавшиеся в камышах лодчонки рыбаков. Это были еще его владения, охраняемая земля. Да и крепости с вышками еще стояли свои: Чучев, Заруб, Канев.

– Ну что, нравится тебе? – спросил князь, поворачиваясь к стоявшей рядом Малфриде.

Вроде бы и улыбался, но глаза прятал. Князь был смущен происшедшим с ним негаданным бессилием на ложе с любимой. Когда из Киева только приехал, сразу бросился к ней. Истосковался, себя не помнил от желания. А как лег рядом – сразу в сон потянуло. Стыдно подумать, как это он так опростоволосился... Но Малфрида и бровью не повела. Даже пошутила беззлобно:

– Что, княже, небось, княгиня так утомила? Ну, я понимаю.

Да какая княгиня! Игорь и ночи с ней не провел. Все с боярами да с советниками-волхвами заседал в гриднице. Поведал о силе своей, о предсказаниях чародейки Малфриды, которые и волхвы на Перыни подтвердили: дескать, было им видение, как склоняются византийцы перед князем, подносят дары богатые. Ясное дело – к удаче похода это. А Малфрид а... Князь не понимал своей загадочной сонливости, начинал даже оправдываться: мол, хлопоты притомили.

Днепр блестел под летним солнышком. Гребцы сняли с себя доспехи и стеганные подкольчужницы, оставшись кто в белой льняной сорочке, а кто вообще голый до пояса. Рассудили: ежели что тревожное будет, упредят. Но пока шли весело и спокойно. Радостно поход начинался!

Кормчие только диву давались – какая вода в это лето! И снега вроде давно сошли, а Днепр так и поднимает ладьи, будто могучими вздохами. Даже водовороты сильнее обычного пенятся. А один из лоцманов поклялся, что видел однажды, как за бортами русалки шныряют. Русалки – к доброй воде. Другие корабли тоже вглядывались, но ничего не заметили.

А вот Малфрида увидела. Улыбнулась довольно. Выполнили– таки наказ русалки! И она порой подмигивала им, делала украдкой благодарственный жест. Один раз Ивор это заметил:

– Что это ты словно кого приветствуешь?

Она не отвечала. Отводила с глаз отросшие длинные пряди, закидывала светлые косы за спину. Для похода она облачилась в мужскую одежду – в кожаные мягкие штаны, обшитую бляхами безрукавку, за поясом нож с литой рукоятью. Малфрида стояла подле Игоря такая изящная, длинноногая, статная. Он обнимал ее за плечи, целовал легонько в висок. Но тут же отходил. Его дружинники уже удивлялись тому, что князь чародейку в поход взял. Неужто на силу их не надеется, доверяя более ее предсказаниям? И вообще многие относились к ней с недоверием. Ежели она и впрямь ведунья – это одно, ну а коль ведьма? Воины, почитавшие светлых богов, с темными силами знаться не хотели. Вот и дичились Малфриды, шептались у нее за спиной. И не одобряли, что князь их по любому поводу прежде всего на девку свою поглядывает. Такая привязанность осуждалась суровыми витязями, особенно если речь шла

о предводителе воинства.

Флотилия продолжала свой путь, кормчие вглядывались в воду, и каждый ее всплеск, каждый водоворот, каждая излучина реки говорили им о многом. К ночи делали остановки на пологом левом берегу. Рубили дрова в ближайшей роще, выравнивали почву и ставили шатры, отпускали пастись лошадей. Волхвы высекали огонь для костров, произнося положенные наговоры. Потом люди варили в котлах уху, мясную похлебку, кашу. Рыбы в Днепре было столько, что хоть руками лови, дичи в ближайших рощах – только успевай натягивать луки.

Игорь пояснял Малфриде:

– Это еще не настоящие степи. Видишь, вокруг рощи дубовые в балках, перелески. Вот когда последние приграничные крепости пройдем, увидишь, какая ширь откроется.

Девушка слушала, озирая взглядом раскинувшийся простор с редкими купами деревьев. Ей, жительнице глухих лесов, такая ширь была в диковинку, окрыляла. Она раскрывала руки навстречу налетавшему ветру, вдыхала жадно. Плескалась река, в вышине мерцали яркие южные звезды, пахло полынью и ароматом нагретых солнцем за день трав.

Когда лагерь затихал и люди укладывались спать, Игорь увлекал свою чародейку к походному шатру. Она не сопротивлялась, но едва они оказывались на шкурах под натянутым пологом, тут же проводила пальцами по глазам князя, шепча наговоры. И Игорь засыпал, прильнув к ее плечу. Малфрида тихо вздыхала. Любится-то ох как хотелось... Но нет, не пришла еще пора лишиться силы. Обычной бабой при князе она еще успеет стать, пока же хотелось помочь ему, доброму и нежному. И она вглядывалась в лицо князя, спокойное и умиротворенное во сне, когда стиралось властное выражение, сменяясь кротким и трогательным. Таким Игорь и сам себя не знал, а вот она знала. И то была ее маленькая тайна. А вот большая тайна... Малфрида не говорила о ней князю, но уже ощутила, что изменилось что-то в том, каким она видела его поход. И не будет ему отныне большой славы в сечах. А что будет? Никакой опасности Малфрида не чувствовала, однако будто скука какая-то на нее нашла, интерес к предстоящему угас. Раньше она видела, что ждут их свечение славы, блеск побед и радость превозмогания. Ныне же... Слишком ладно и скучно будет то, что их ждет. Вот только то, как сможет князь с печенегамы уговориться,

еще волновало.

В темноте Малфрида тихо выскальзывала из шатра, шла к воде. Оглядываясь, не видит ли кто, подзывала русалок. Убедившись, что и впредь будут послушны, отпускала с миром. Теперь ей надо было найти омут, погадать о будущем, вызнать, что изменилось и что не так в походе будет. Однако поколдовать над водой ей помешали.

– Ты что это уединилась? – возник рядом как из-под земли Ивор.

Она начинала сердиться. Ворчала, что и помыться спокойно нельзя, без того чтобы он не подглядел. Или следит за ней? Слежу, подтверждал варяг.

Малфриде приходилось возвращаться с ним в лагерь. На его вопросы отвечала, что уснул князь, утомленный дорогой.

– И с чего это ему утомляться? – хмыкал Ивор. – Мы и до порогов еще не дошли, а князь уже с ног валится.

Утром над стоянкой войска раздавался звук трубы, прогоняя сон. Люди поднимались, бежали к реке умываться, переговаривались, довольные, что ночь прошла тихо и все отдохнули перед новым переходом. Чтобы не тратить времени, завтракали вчерашней едой и трогались в путь.

Днепр, сужаясь меж крутых берегов, нес корабли на юг. Часто он разделялся на протоки, и от опытности кормчих зависело, по какой из них пройти. Между протоками возникали поросшие густой травой острова, где росли могучие дубы. Это был свежий, никем не тронутый, свободный мир. В прибрежных дубравах слышался рев туров, олени выходили попить воды к реке, да и дичи водяной было без числа. Вспугнутые шумом проплывавшей флотилии, от воды тучами поднимались стаи уток, журавли стояли на заболоченных участках заводей, а иногда и белокрылые лебеди взлетали.

Малфрида же глядела по сторонам. Степь... Ведьму восхищали открывавшиеся по берегам реки просторы, эта необъятная ширь, уходившая чуть волнистой грядой до самого горизонта. Правда, люди на кораблях отмечали, что уже давно не было дождей, что если так будет продолжаться и боги не пошлют небесной влаги, вскоре все пересохнет, а это уже грозит недородом. Особенно

сокрушались поляне – земледельческое племя. Викинги же только ворчали что-то насчет непривычной жары, а степь называли «травяным морем».

Игорь со своей ладьи следил за передвижением конницы вдоль пологого левого берега. Ждал сигнала. Ведь они уже находились в краю, где хозяйничают печенеги. Но пока всадники с берега только кричали, что видели кое-где следы печенежских стоянок и пару раз обнаружили в камышах у реки брошенные бычьи шкуры, на которых обычно степняки переправляются на другой берег. Самих же степняков видно не было. И тем не менее во время вечерних стоянок Игорь лично обходил расположившееся на отдых воинство, выставлял дозоры, приказывал быть бдительными. Сам же засыпал, едва коснувшись головой разложенных в шатре мехов. А Малфрида тут же выскакивала в ночь.

Луна медленно катилась по небу, то заворачивая в облако, то снова выплывая на темное небо. Ведьма своим особым зрением различала то тут, то там возвышения курганов. На одних высились каменные истуканы, на других просто лежали груды камней. Но Малфрида угадывала над курганами необычное свечение. Если прилечь лицом к земле, то глубоко под ней можно увидеть останки давно почивших вождей. Иные уже стали прахом, а вот иным неспокойно. Ну, это кто как жил.

Утром снова в путь. Гребцы налегали на весла, переговаривались. Разговоры все более шли о порогах, к которым уже приближались. И когда на следующий день впереди раздался рев воды, гребцы вытянули шеи, вглядываясь, что там впереди. Теперь расстояние между кораблями значительно увеличилось: если какая из ладей и налетит на камень, следующая должна успеть развернуться.

Малфрида стояла рядом с князем. Не столько на воду глядела, сколько на берег. Где-то тут она должна встретиться с духами трав. Она почти не слышала, что пояснял ей Игорь:

– Это не самый лютый порог. Лютые впереди. А этот... Тьфу. Его называют Неспи. Так себе порожец.

И все-таки на кораблях ощущалось напряжение. Люди видели впереди, как вода с шумом налетает на возникающие в центре течения гранитные глыбы, огромные, словно зубы неведомого чудища, и с ревом разбивается о них. Днепр тут не был особенно широк, и кормчие решили провести корабли у самого берега

волоком.

Спустили трапы, свели коней. Воины сходили на землю в полном воинском снаряжении: всем было ведомо, что кочевники любят нападать у порогов. Поэтому по приказу Игоря на берег были отправлены разъезды. Гребцы же, кто раздевшись по пояс, а кто почти нагишом, принялись толкать ладьи вдоль берега, тащили, налегая на канаты, к которым были привязаны суда.

Малфрида, воспользовавшись всеобщей сумятицей, отошла подальше. И тут же услышала рядом шелест травы, шевеление.

– Вот и мы.

Маленькие травяные духи смотрели на нее из густого разнотравья.

Ведьма быстро огляделась – не замечает ли кто. А потом уже внимательно слушала сообщение, что печенеги большим станом стоят за дальней грядой холмов. Они уже знают, что по реке идет флотилия русов, но напасть не решаются. «Ну да, конечно же, – подумала Малфрида. – Как мне сказывали, печенеги в основном на одиночные ладьи нападать горазды. Да и нет им нужды грабить, когда войско идет порожним. Им любо напасть, когда с добычей возвращаются».

Спросила у травяных духов, кто хан в стане печенегов? Долго не могла понять, что отвечают, настолько тяжело давалось духам это непривычное имя. А когда все же разобрала, то едва не подскочила. Темекей! Великий хан Темекей, с которым и надеялся заключить соглашение князь Игорь.

Такую удачу упускать нельзя.

Малфрида быстро молвила отпускное слово травяным человечкам и побежала туда, где алел плащ Игоря.

– Дальше не пойдем, – сказала она, хватая его за обтянутый кольчугой локоть. – Вели тут стоянку разбить. Темекей близко.

Сказала это достаточно громко, так что многие начали поворачиваться. Ивор даже подался вперед, словно что-то сказать хотел, но сдержался. Да и сам князь смотрел недоверчиво, с подозрением.

– Во имя всех богов! Как ты можешь это знать, когда и мои объездчики ничего не заметили?

– Знаю. Прошу, не спрашивай ни о чем, просто доверься мне. А печенегов твои люди не обнаружили потому, что копченые сами не рвутся к реке, прознав, какое большое войско тут. Вот и решили пока повременить. Но стоят они за той дальней грядой. Не упusti же своего случая, княже!

Она говорила быстро, запальчиво. Какое ей дело было до того, как поглядят на это остальные! Главное, чтобы Игорь поверил.

И Игорь ее послушался. Велел полусотне воев сесть на коней, двинуться в степь. Малфрида, несмотря на недовольство князя, настояла, чтобы и ее взяли.

Печенеги тоже не дремали. Русичи еще издали увидели на холме их дозорных. Четверо всадников на лохматых лошаденках наблюдали за приближающимся отрядом русов. Жаркое степное солнце отсвечивало от их доспехов, на головах у печенегов, невзирая на жару, мохнатые меховые шапки. Когда отряд русов приблизился на два полета стрелы, печенеги стали разворачивать лошадей. Игорь даже выругался сквозь зубы. Дескать, сейчас кликнут своих, и те придут на помощь, наскочат с диким визгом, только успевай обмениваться стрелами. А пущенная из хорошего лука стрела и всадника из седла выбивает. Князь крикнул Малфриде, чтобы отстала в конец отряда, спряталась за спинами умелых кметей.

Так она его и послушала! Наоборот, пришпорив лошадь, вынеслась вперед. Игорь окликнул ее гневно, но она уже сделала быстрый жест рукой, крикнула что-то непонятное для уха русичей. И тотчас все четверо печенежских лошадей неожиданно рухнули под всадниками, будто споткнувшись, а сами печенеги полетели на землю, покатались по склону холма.

Пока опомнились, вскакивая и хватаясь за луки, отряд Игоря был уже рядом. Князь первым поднял руки, демонстрируя, что он без оружия, а значит, не будет биться.

Печенеги, поняв, что им не убежать от конников, решили подождать. Наблюдали.

Игорь сдержал коня, почти подняв его на дыбы. Поглядел из-под чеканного обода шлема на напряженно замерших печенегов.

– С ханом вашим говорить хочу. Дело есть к нему.

Сказано это было по-печенежски. Степняки переглянулись.

Малфрида с высоты седла рассматривала их. Ух, и страшными же они показались! Лица темные (воистину копченые), плоские, глаза-щелочки глубоко посажены. Бороды нет ни у одного, но у каждого на подбородке жиденький клочок волос, усики тоненькие вдоль рта. Лопотали что-то в ответ князю, она их речи не понимала. Потом встреченные четверо печенегов сели позади выбранных Игорем воинов, поскакали в свою сторону.

– Что? Ну что? – допытывалась у Игоря Малфрида, когда они не спеша тронулись к месту стоянки.

Он пояснил: его люди поговорят с ханом, и, если печенеги убедятся, что не с войной к ним русы пришли, хан примет русского князя. Как боги святы, примет!

Князь и Малфрида ехали впереди отряда, разговаривали, как будто ничего значительного не произошло, а вот его люди тревожно переглядывались. Кто-то осмелился сказать:

– Видали, как она коней копченых уложила? Не иначе как...

И словно не решился закончить фразу. Но воины уже кивали согласно. Всем было ясно: девка князя – ведьма!

Печенежский хан Темекей выглядел не лучше своих воинов. Только поверх кольчуги на нем был еще замызганный полосатый халат. А вот шапка богатая: крытая яркой парчой, по бокам, с обеих сторон плоского лица, свисают пышные хвосты черной лисы.

– Здоров ли ты, хакан русов Ингвар? Здорова ли твоя родня? Удобно ли тебе? Сыт ли ты? Сыты ли твои кони?

Могучи ли по-прежнему твои боги?

Обычные слова приветствия. По-русски хан Темекей говорил неплохо, хоть и с заметным акцентом.

Рядом с коренастым немолодым Темекеем Игорь смотрелся настоящим витязем. Даже при том, что вынужден был сидеть поджав под себя ноги на разостланном в ханской юрте войлоке. Князь тоже вел учтивые речи, пил с ханом в знак дружбы и доверия белый кумыс из широкой чаши. Хан вскоре перешел на печенежский, хвалил дары князя, вспоминал былые встречи. Сидевшие вокруг его мурзы и беки согласно кивали, все время улыбаясь. Когда же Игорь заговорил о совместном походе на ромеев, улыбаться перестали.

Малфрида не понимала печенежского и вскоре заскучала. Стала разглядывать убранство юрты. Крыша и стенки искусно сплетены из прутьев и затянуты белым войлоком с витыми узорами. Кое-где развешано оружие и щиты. В центре юрты горел костер, и легкий голубоватый дымок поднимался к круглому отверстию наверху. Уютно, вроде даже богато, зато от самих печенегов разит, как от скота. И хотя принарядились для встречи, но порой начинают чесаться, ловят блох.

Сам хан говорил мало, больше слушал, щурясь на огонь. Малфрида обратила внимание на сидевшего ближе ко входу шамана с множеством погремушек у пояса. Шаман тоже не сводил глаз с Малфриды. Она не возражала, пусть пялится лохматый дед. Мужчина он, видимо, не простой, как и она.

Уловили друг в друге силу.

Неожиданно хан Темекей отставил чашу с кумысом и обратился к Игорю по-русски. Малфрида прислушалась.

– То, что ты предлагаешь, Ингвар, дело заманчивое. Да и сам ты мне по нраву. Однако надо еще у богов наших спросить, насколько звезды благоприятствуют походу. Сегодня же вечером велю своим мудрецам погадать о грядущем. Ты же оставайся моим гостем.

Игорь поднялся, с удовольствием разминая ноги после непривычного сидения. Сказал:

– За приглашение, конечно, спасибо. Но только не забывай, что я дело верное тебе предлагаю. Ромеи богаты и могучи, однако и их побить можно. А царь их Роман который год не воюет, все золотом откупается. Вот и прикинь свою выгоду, если ко мне примкнешь. И твои батыры довольны будут. Разбогатеют, каждый сможет иметь по новому шелковому халату, по новой жене, новые стада гонять по степи.

Большинство советников Темекеея согласно закивали. Малфрид а поняла, что дело сладится. Однако выделила среди собравшихся молодого печенега в островерхом шлеме, с которого свисал волчий хвост. Этот степняк был явно не в восторге от совместного похода. Хмурился, отбрасывал за спину длинные сальные косицы. На шее у печенега Малфрида заметила странное украшение. Сначала решила, что это какие-то засохшие косточки, но, приглядевшись, поняла: это высушенные пальцы людей. И так противно ей вдруг сделалось! Не нравились Малфриде печенеги: была наслышана о зверствах этих диких, грязных и коварных людей. Все время улыбаются, кивают, но в глаза словно и не глядят. Однако она сама посоветовала князю союз с ними заключить, вот и была заинтересована в успехе этой встречи. И все же, когда они вышли из юрты, Малфрида спросила у Игоря, указав на молодого печенега с волчьим хвостом на шлеме: мол, кто таков? Князь негромко ответил:

– Это Куркутэ, старший сын Темекеея. Но сын от наложницы, не от жены. Куркутэ надеется, что станет после Темекеея вождем в роду. Но теперь, когда мы вернули в стан Темекеея Курю – это еще как выйдет. Для нас же Куркутэ хуже бешеного волка. Да и имя его по-печенежски означает «волк». Уж больно кровь любит. И зол он, что я царевича Курю Темекеею привез. Теперь поди докажи отцу, что он более достойный наследник, нежели сын от любимой жены.

Малфрида вскоре обратила внимание на то, что молодой «волк» собрал вокруг себя таких же, как и он сам, дерзких молодых воинов, что-то говорит им, возбужденно размахивая руками. Его слушали, кивали, однако многие смотрели мрачно. Ведь и им хотелось пойти в большой поход на ромеев. Но Малфрида забеспокоилась, только когда Куркутэ шамана подозвал, стал что-то втолковывать, даже за рукоять сабли схватился. Малфриде это не понравилось. Подумав немного, она послала заклятие. Сделала жест рукой в сторону

Куркутэ – и тот умолк на полуслове. Шаман стоял рядом с ним, ожидая дальнейших указаний, но потом вдруг что-то сообразил, стал крутить головой, пока не заметил уставившуюся на них девку русов. И вмиг догадался, что к чему. Схватился за амулеты, затрясся. Малфрида же наблюдала, как хан Куркутэ, выпучив глаза, давится и тужится, силясь издать хоть звук. Его батыры, ничего не понимая, смотрели растерянно, пока их предводитель не кинулся прочь. Малфрид е же стало смешно, и она громко расхохоталась. И тут же услышала, что и рядом кто-то смеется. Оглянулась – Ивор. Они встретились взглядами, и он ей понимающе кивнул. Ивор, который следил за ней все последнее время, теперь был доволен. И ее чародейство, похоже, его не пугало.

Весь остаток дня в стане царило оживление. Русы беспрепятственно ходили среди юрт, печенеги, похваляясь, показывали им пасущиеся стада. В стане повсюду стояли бесчисленные белые и черные юрты печенегов, между ними сновали люди, слышалось жалобное блеяние баранов, которых вели на заклание. Тут же варили мясо в больших закопченных котлах, и к небу тянулись струйки голубого дымка. В лагере печенегов иногда попадались люди славянского вида – рабы. Они кидались к русам, некоторые на колени падали, молили: выкупите нас, спасите. Печенеги реагировали по-разному: смеялись, а когда и нагайкой могли хлестнуть невольника. Понимали ведь, что русы сейчас в стойбище гости, не захотят на чем-либо настаивать, опасаясь разрушить хрупкое равновесие перед заключением договора. Потому-то русы и отходили от своих, отворачивались. Хотя, что тут поделаешь, сами же зачастую и торговали с печенегами славянским людом. Дело-то прибыльное.

К вечеру все стойбище пировало. Мужчины сидели на открытом пространстве между юртами, а женщины хлопотали у костров. Озаренные красными отблесками, принарядившись по случаю пира в меховые шапки, надев на себя множество металлических подвесок, они большими ложками накладывали куски мяса в деревянные и глиняные миски, а слуги разносили их гостям. Мяса было вдосталь, но приготовлено без особого старания: разваренная конина и баранина, часто даже не просоленная как следует. С хлебом у печенегов было туго, зато по приказу Темекея слуги вынесли гостям большие бурдюки сладковатого хазарского вина. После кислого кумыса оно казалось особенно вкусным. Малфрида оторваться от него не могла и вскоре захмелела. Смеясь, она приникала к плечу Игоря, указывая ему на молчаливо сидевшего поодаль Куркутэ.

– Хочешь, я превращу его в барана? Будет блеять в стаде, пока и его не зарежут на похлебку.

Игорь тоже хохотал. Ему хорошо было, что Малфрида льнет к нему, что позволяет целовать себя, не смущаясь устремленных на них взглядов.

Потом зазвенели бубны, раздался грубый рев труб, тонко запели глиняные свирели. Хороший пир требовал пляски. И вот уже мужчины печенег встали вокруг костров, пошли, ловко перебирая ногами и положив руки друг другу на плечи. Двигались они красиво, все убыстряя темп, выкрикивали что-то удалое, посвистывали. Вот в кругу оказался и кое-кто из захмелевших русов, подлаживался в такт танцующим. Женщины же стояли поодаль, смотрели, смеялись, притопывая и хлопая в ладоши. Им тоже хотелось сплясать, но женщинам печенегов это не позволялось. Потому многие из них просто онемели, когда к пляшущим мужчинам неожиданно присоединилась спутница русского князя. Она была одета в мужскую одежду, и юбка не мешала ей выделывать ногами кренделя, косы ее развились, длинные и светлые, вспархивали от движений головы. Местные женщины сперва только опешили, глядели возмущенно и с завистью, да и мужчины застыли, раскрыв рты, но уж, видно, ночь такая сегодня – никто не разгневался.

Из круга Малфриду вывел сам князь, стал объяснять, что бабы в пляске воинов не должны участвовать. Она же только хохотала, блестя белыми зубами, сама обнимала князя, ноги у нее подкашивались. Игорь подхватил ее на руки, понес в сторону стоявшей отдельно, предназначенной для него юрты...

Утром Малфрид у мучила головная боль. Было скверно, мысли путались. На разваренную баранину и глядеть не могла, а вот так не понравившийся вчера кумыс пила с удовольствием. Игорь после проведенной с любовницей бурной ночи, наоборот, пребывал в самом благодушном настроении. Она же едва могла ему улыбнуться. Вот ведь как вышло... С князем – то ей сладко было, но сила ушла...

Князь вскоре отправился к Темекею обсуждать условия союза, а Малфрида тоскливо бродила среди юрт. Что с договором все сладится и напуганный ее силой шаман нагадал как должно, – не сомневалась. Но она видела, как от стойбища отъехала довольно большая часть печенегов, свернув юрты и погрузив имущество на двухколесные скрипящие арбы. А возглавлял эту группу хан Куркутэ в своем страшном ожерелье. Он кричал, приказывал,

размахивая нагайкой. Что ж, она потеряла свою силу, и с Куркутэ тоже слетело наложенное ею заклятие.

Малфрида безразлично наблюдала за женщинами, которые возились с ягнятами, когда ее отыскал Ивор.

– Слушай, сделай что-нибудь. Куркутэ еще от самой зорьки народ подбивает, все кричит, что нет у него доверия к русам, что обманом мы свободных печенегов. А его слово в стане не последнее.

Малфрида только вздохнула, борясь на ветру с расплетенными косами. Душно было, но ветер дул не переставая.

– Эх, Ивор, прислал бы Перун тучу грозовую, может, я и смогла бы что-то сделать. А так...

Ивор не понимал, что сейчас она стала простой бабой. Как не понимал этого и шаман печенегов. Случайно наткнувшись на Малфриду у входа в одну из юрт, он тут же поспешил скрыться. Что ж, значит не такая у него и вещая сила, чтобы сразу понять, что к чему.

Тем не менее шаман не переставал наблюдать за спутницей князя. Как ни странно, многие русичи тоже сторонились ее. Подносили к губам амулеты, делали жесты, оберегающие от темных сил. И старались побыстрее отойти. В отличие от верного Ивора. Ярл не страшился ее чар, хотя так и не понял, что их уже нет.

– Идем-ка, душа моя, попрощаемся с царевичем Курей, – предложил он. – Этот малец с княжичем Святославом в Киеве больше года жил, а у детей, знаешь как? Они быстро перенимают все новое, старое забывают. Вот и малыш Куря уже лопочет на полянском, своих братьев по племени дичится, хнычет. Даже матери родной сторонится. Зато Текей его к себе расположил, таскает всюду за собой.

Малфриде не было дела до какого-то печенежского отпрыска, но она пошла с Ивором, чтобы не бродить в одиночестве. Куря оказался толстым таким мальцом, узкоглазым, с маленьким носиком между пухлыми щеками. К Ивору подошел смело, залопотал что-то, стал говорить, что ему уже доброго коняшку

Темекей дал. И теперь Куря настоящий батыр!

С варягом ребенок держался приветливо, на Малфриду же и не посмотрел. А она как глянула на Курю – так и онемела. Раньше не интересовалась им: плыл с ними на одной из ладей печенежский царевич, ну и пусть себе. А оказалось, следовало бы приглядеться. Ибо было в этом ребенке нечто такое... Без вещей силы чародейке этого не понять, но все же что-то чуяла... Словно какие-то кровавые отсветы от ребенка шли. А за ним тени... И чья-то гибель... Кого-то, кто очень важен для Малфриды.

Смутные ощущения. Сердце стало болеть. Тревога нахлынула. И даже гул в ушах. Отчего бы?

– Малфрида, да что с тобой? Во имя всех богов!

Она повернулась к Ивору. В лице ни кровинки, только темные глаза в пол-лица.

– Не нравится мне этот ребенок. Удавить бы его...

– С ума сошла! Да за него Темекей всю степь против нас поднимет!

Верно говорил Ивор, но Малфриде все равно становилось плохо при одном взгляде на Курю. Она отошла, но ее опять словно чарами тянуло туда, где он находился. Хотя какими там чарами! Просто в ней бродило то, что у простых смертных зовется предчувствием.

А маленький царевич деловито расхаживал с печенежскими женщинами, капризничал, хныкал, но с удовольствием пил кумыс, возился с ягнятами. Позже, когда печенеги и русичи сели за последнюю мировую чашу и Куря устроился на коленях у важного Темекея, Малфрида оказалась как раз напротив. Ну, не совсем напротив. Между ними лежали мечи, и воины клялись на них, что не нарушат договора, что вместе пойдут на богатую Византию, и позор тому, кто нарушит обговоренные условия.

Мурзы Темекея нараспев выговаривали положенные слова, русы поднимали чаши, пили мировую, пуская по кругу. В клятвы никто особенно не верил, знали уже, как с печенегами мир заключать, – все равно что на воде руны выводить.

Однако как бы то ни было, ритуал следовало соблюдать. Малфрида сидела чуть позади Игоря, поглядывая на Курю и не замечала, что на нее саму неотрывно смотрит шаман, бренчит амулетами, шепчет заклинания. Она же хмурилась, не сводя глаз с царевича. Тот ерзал, то жевал вяленое мясо, то вращал круглой мордашкой, дергал Темекея за полу полосатого халата. Но в какой-то миг ощутил на себе взгляд странной женщины и повернулся.

У Малфриды словно все оборвалось внутри. Протянула машинально руку, насылая проклятие... В прах хотела обратить... Однако сил не было. И тогда она рванулась вперед... Но тут же оказалась сбитой с криком прыгнувшим на нее шаманом. Тот так и рухнул, повалив Малфриду на разложенные мечи, заверещал тоненько. Тут и Ивор, словно барс, прыгнул на них. Он тоже наблюдал за странным поведением чародейки, видел ее жест и оцепенел в первый момент. Но потом очнулся, стал отдирать от нее вопящего шамана.

Вокруг стоял шум, люди вскочили с мест, кричали. Печенеги кинулись оттаскивать от своего шамана беловолосого варяга, но не могли сладить с ним, пока тот не оглушил шамана. Малфрида вырывалась из хватавших ее рук молча, яростно. Только когда Игорь спрятал ее за себя, немного опомнилась, лишь теперь сообразив, что наделала. Вокруг были злые возмущенные лица, орущие глотки.

А маленький Куря смеялся, глядя на эту потасовку, морщил носик, сузив до узких щелочек глазки. Тут и Темекей неожиданно засмеялся, хлопнув себя по щекам, затрясся от хохота. Видать, печенежский хан и не уразумел толком, что чужая баба на его любимца кидалась, не понял, отчего произошла такая свалка. А в толпе уже гомонили, что печенежский шаман на ведунью князя русичей напал. И многих это позабавило. Только мурзы еще вопили возмущенно, что ритуал прошел не так, как положено, что добром это не кончится.

Князь Игорь был бледен. Он понимал, что Малфрида едва не испортила все, к чему они пришли. Потому и молчал всю обратную дорогу, пока скакали к ожидавшим их на Днепре кораблям.

Ивор тоже был мрачен. Но в отличие от князя, он все же подошел к чародейке.

– Дура баба, – сказал. – Ты хоть понимаешь, что сотворить намеревалась? Да нас бы всем станом тогда на куски порезали, собакам скормили бы.

Она молчала. Ушла в сторону, смотрела, как русичи собираются в дорогу. Но и на нее поглядывали, перешептывались украдкой. А перед самым отплытием несколько воевод с решительным видом подошли к князю. Старший из них сказал, оглядываясь на сподвижников:

– Тут такое дело, княже. Люди бают, что лада твоя – ведьма. И многие не хотят далее идти, если эта с нами будет. Таково наше слово.

И даже подбоченился, глядя на сумрачно смотревшего на них Игоря.

Глава 4

Войско князя Игоря уже который день стояло у порога Неспи. Дневная жара сменилась дующими со степи горячими ветрами, ночи были душными, пахло полынью. С востока слал первые грозовые приветствия Перун. Где-то вдали рокотал гром. Волхвы, глядя на завитки дыма над кострами, прислушиваясь к отдаленным раскатам грома, предвещали мощную грозу – поительницу земли. С вытащенной на речной песок ладьи на берег изредка сходила длиннокося колдунья, из-за которой и вышла задержка. Она приближалась к кострам, у которых творили заклинания волхвы, следила за их действиями. Иногда насмешливо хмыкала. И тогда в ее сторону летел глухой рокот людской злобы.

– Все из-за нее, – ворчали люди. – Князь наш совсем околдован. Он и поход готов отложить, настолько под ее чары попал.

– А может, в потемках схватим ее? Мешок на голову, камень на ноги – дно сама отыщет.

– Ага, такую схватишь. Разумей и Руслан сказывали, как она копченых одним движением пальцев с коней сбросила. Так что от чародейки этой лучше подальше держаться. А вот от князя надо требовать, настаивать. Не должен наш сокол пойти супротив общей воли ради бабы... пусть и ведуньи темной.

Однако Игорь и слышать не желал, чтобы отослать чародейку. Даже когда и печенежские ханы, явившись с воинством, потребовали убрать девку –

их шаман к тому призывал, – Игорь отмахнулся. Печенеги подождали-подождали, и сами двинулись вдоль Днепра в полуденную сторону. Русы же по-прежнему мешкали.

Малфрида вглядывалась в темные тучи над степью, потом шла к князю. Он одиноко сидел на корме «Легкого сокола». Глядя на днепровскую воду, думал о чем-то. Малфрида остановилась у него за спиной.

– Пусть будет так, как войско решило, Игорь. Мне же... уже не интересен твой поход. И ничего славного я в нем не вижу.

Князь медленно поднял голову. Посмотрел на нее снизу вверх через плечо.

– Что означает твое «ничего славного»?

Ах, как важен был для него этот поход, как важен! Малфриду же одолевала скука. И куда более интересовали грозовые тучи, наплывавшие от степи. Уйти хотелось... Опостылело тут все.

– Успокойся, княже, все в порядке, – как-то устало и безразлично проговорила чародейка. – Знаю, тебя в походе ждут удача и богатство. Но что-то не так складывается, как мне ранее виделось. А как объяснить? Сам все поймешь, когда с данью в Киев вернешься. А я тебя там встречу. Слово даю.

Игорь глядел укоризненно.

– Оставить меня решила?

Малфрида медленно достала из-за голенища сапога тонкий нож и, прежде чем князь понял, что к чему, сделала надрез у себя на ладони.

– Кровью клянусь, что, куда бы ни пошла, вернусь к тебе.

Когда кровью клянутся, не шутят. И Игорь перехватил ее руку, зажал в кулак.

– Вот глупая... Глупая. Я тебе и так бы поверил.

Он целовал ее запястье, вычитывал за то, что поранила себя. А она все твердила: уйти ей надо, не мешать удаче князя.

Игорь отворачивался, вздыхал. Может, так и лучше? Ну, не ссориться же из-за Малфриды с людьми своими, когда все так славно начиналось? Душа болела. Расстаться с ней... Приворожила она его, что ли? Может, она и впрямь ведьма? Ибо не было князю без нее ни радости, ни покоя. А с воинством все же надо было сговориться. Те же варяги грозятся за печенегами отбыть, если князь наказ своих воевод не выполнит. Да и сидение на порогах утомило, рвутся люди за своей долей добычи, опасаясь, что все печенегам копченым достанется. О том на вчерашнем совете дружины говорили, а князь по-прежнему отмалчивался. Игоря злило, что воины хотят ему свою волю навязать, однако не считаться с их желаниями не мог. Дружина – это боевое братство. И хотя князь глава над своими витязями, без их согласия ни одно дело он не может вершить.

– Куда же ты пойдешь одна? – наконец подал голос Игорь. – Кругом степь, места опасные и дикие. Ты же тут новичок, с тобой беда может приключиться.

Она досадливо топнула ногой.

– Да не обо мне речь, князь. Я не пропаду. Отпусти лучше с миром, пока сама не ушла!

Ее запальчивость неожиданно разозлила князя. Вскочив, он схватил ее за косу.

– Бросить меня хочешь? Как раньше? Что я, юнец безбородый, от которого девка убегает после купальской ночи?

Поцеловал, как укусил, сжал так, что косточки хрустнули. Малфрида тихо охнула. И князь тут же ослабил объятия, приласкал, приголубил, погладил по щеке жесткой ладонью.

– Красавица моя...

Ну что с ним делать?

Она отвернулась, глядела на могучие гроззовые тучи, наплзавшие от степи. Они выглядели предвестниками колесницы Перуна, темными щитами неба, тем более грозными, что были озарены красновато-демоническими отсветами заходившего солнца. На них хотелось смотреть. Создавалось ощущение, будто ясное солнышко Хорос спешит отступить перед грозным Громовержцем Перуном.

Князь и Малфрида глядели на грозвое небо.

– Ты видишь, что творится, – молвил князь, обнимая со спины чародейку и не отпуская, словно хотел уберечь от надвигающейся небесной стихии. – Тебе страшно? Ничего, это добрый знак. Перун, покровитель воинства, посылает нам свой привет перед будущими сечами. Надо глянуть, хорошо ли закрепили корабли? – сказал он в сторону и, оставив Малфрид у, пошел отдавать распоряжения.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Перун – языческий бог древнего славянского пантеона, громовержец и податель воинской удачи.

2

Студень – январь.

3

Бирюч – чиновник, в обязанности которого входило объявлять народу приказы властей; глашатай.

4

Вечевая степень – возвышение на площади, откуда произносили речи.

5

Мыто – налог, взимаемый за право проезда и торговли.

6

Словене – северное древнеславянское племя с центром в Новгороде.

7

Меря, чудь – угро-финские племена, проживавшие на севере и востоке от Новгорода.

8

Десница – рука (обычно правая).

9

Ромеи – римляне, так называли себя византийские греки.

10

Полдень – юг.

11

Варяжское море – Балтийское море.

12

Городище – так называемое Рюриково Городище – в трех верстах к югу от Новгорода большая усадьба, где жили князья, правители Новгорода.

13

Лада – так на Руси называли возлюбленных, по имени богини любви и нежных чувств Лады.

14

Перынь – большое, посвященное Перуну капище, немного южнее Новгорода.

15

Седмица – неделя, семь дней.

16

Корочун – праздник самого короткого дня в году, зимний солнцеворот. Начало нового года.

17

Тиун – управляющий хозяйством.

18

Гридница – помещение для дружины и пиров в доме знатного человека.

19

Свитка – верхняя теплая одежда с рукавами.

20

Покон – обычай; отсюда выражение: испокон веков.

21

Кошунники – рассказчики.

22

Ирий – рай в славянской мифологии; место, где царит вечная весна, живут боги и улетаются на зимнее время птицы.

23

Укко – верховное божество в угро-финской мифологии, бог грома.

24

Птица Гамаюн – мифологическое существо, птица с головой и грудью девицы. Она поет о многом, чего смертные не знают, а ее крик предвещает счастье.

25

Чеботы – сапожки с низкими голенищами.

26

Хазарская верхушка состояла из иудеев, поэтому расширение их поселений на Руси не могло не понравиться хазарам.

27

Арран – Азербайджан.

28

Упомянутый неудачный поход имел место приблизительно в начале сороковых годов X века.

29

Суложь – главная супруга.

30

Об этом рассказывается в романе автора «Ведьма».

31

Уличи – южнорусское племя, обитавшее одно время на днепровских порогах, но позже переселившееся на запад.

32

Гривна – здесь нашейное украшение, свидетельствующее о высоком положении человека.

33

Полночь – север.

34

Лелин праздник – приблизительно 20 марта; Леля – у славян богиня девичьей красоты, юности, свежести, счастья.

35

Детинец – кремль, укрепление внутри городских стен.

36

Квитень – апрель.

37

Кмети – опытные, полноправные воины в дружине.

38

Уные – младшие дружинники; детские – сыновья воинов, подрастающие при дружине, сызмала проходящие воинскую науку.

39

Хазарский каганат сделал иудаизм своей официальной религией в конце VIII века.

40

Дым – единица обложения данью.

41

Имеются в виду черные булгары – тюркское племя, жившее по среднему течению Волги в VI–XII вв.

42

Агряне – арабы.

43

Роман Лакапин – византийский император, правивший в 920–944 гг.

44

Базилевс – титул императора в Византии.

45

Архонт – высшее должностное лицо в городах-государствах Древней Греции; архонтами в Византии называли правителей, которые приравнивались к владетельным князьям (обладающим правом наследственной власти).

46

Угры – полукочевые племена, которые со временем осядут в Европе и станут предками будущих венгров.

47

Позвизд – ветер перемен.

48

Лель – божество радостных, легких утех; Уд – божество сладострастия.

49

Ярилин день – 5 июня – день ухода весны и прихода лета. Ярила – бог плодородной силы у славян.

50

Поршни – мягкая обувь из цельного куска кожи, на ноге крепилась ремешками или тесемками.

51

Луговые и полевые – духи лугов и полян, заросшие травой существа, хранящие плодородие земель.

52

Сварожич – разведенный людьми огонь, который является порождением бога огня – Сварога.

53

Жива – богиня всего сущего у людей, богиня здоровья и сил.

54

Доля – добрая людская судьба; Недоля – злая.

Купить: <https://tellnovel.com/simona-vilar/ved-ma-i-knyaz>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)